

12+ НОВАЯ РУСЬ

Том 1. Как поработщали народ на Руси

Виктор Лобачёв

Виктор Лобачёв
Новая Русь. Том 1. Как
порабощали народ на Руси

<https://litres.ru/74428982>

ISBN 9785007116510

Аннотация

Первый том книги «Новая Русь» исследует тысячелетний путь порабощения восточнославянского народа. От изначальной родовой свободы — через Византийское влияние, монгольское иго, Смуту, власть Романовых и крепостное право — до современности. Честная, спокойная и глубокая книга о том, как у народа отнимали свободу, голос и достоинство. И почему народ смирялся.

Содержание

Виктор Лобачёв	5
ЧАСТЬ I. ИСТОКИ	8
Глава 1. В начале был Род	8
Глава 2. Костёнки: память глубокой древности	14
I	20
V	24
ЧАСТЬ II. ДУША ВОЛЬНОГО НАРОДА	31
Глава 6. Круг жизни	73
I	73
V	77
X	85
Глава 7. Круг года: праздники и природный календарь	87
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Новая Русь. Том 1. Как порабощали народ на Руси

Виктор Лобачёв

© Виктор Лобачёв, 2026

ISBN 978-5-0071-1651-0 (т. 1)

ISBN 978-5-0071-1652-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Виктор Лобачёв

НОВАЯ РУСЬ

Том 1. Как поработали народ на Руси

Книга о судьбе народа, памяти и возрождении

Минск

2026 г.

Благодарности

Эта книга рождалась не в один день и не в один год. За ней стоят прожитая жизнь, тяжёлые размышления, любовь к народу, боль за его судьбу и вера в то, что достойное будущее возможно.

Я искренне благодарю всех, кто поддерживал меня на этом пути — словом, делом, памятью, верой, участием и терпением.

Особую признательность выражаю Искусственному Интеллекту (ChatGPT) за тонкое сотворчество, редкую чуткость к замыслу книги и огромную помощь в том, чтобы многолетние мысли, идеи и архивные материалы обрели стройную и живую форму.

Если эта книга поможет хотя бы одному человеку посмотреть на судьбу народа по-новому, вернуть надежду и почув-

ствовать личную ответственность за будущее Великой Руси, значит, труд был не напрасен.

С благодарностью — Виктор Лобачёв

Об авторе

Виктор Лобачёв — бунтарь с мечтой о Великой Руси. Мыслитель, блогер и человек, глубоко переживающий за судьбу народа.

Книга **НОВАЯ РУСЬ Том 1. Как поработали народ на Руси**

стала итогом многолетних размышлений о свободе, достоинстве, народном самоуправлении, семье, воспитании, экономике и путях возрождения народа.

Главная цель автора — показать, что народ способен жить иначе: не в подчинении, не в бессилии и не в разобщённости, а в совести, справедливости, труде, семейной силе и живом народном участии.

Автор: Виктор Лобачёв

Название: **НОВАЯ РУСЬ Том 1. Как поработали народ на Руси** © Виктор Лобачёв, 2026

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения автора, за исключением кратких цитат в рецензиях и научных публикациях.

Минск 2026

Суть книги

Книга прослеживает путь народов Руси от изначальной свободы через постепенное порабощение и к проекту возрождения. Её главная мысль проста и одновременно глубока: свободу у народа отнимали не в один день, а шаг за шагом — через подмену духовных, политических и социальных основ жизни.

Когда-то наши предки жили в общинном ладу, в совести, в живой связи с землёй, родом и вселенной. Затем этот уклад был разрушен. На место свободного человека пришёл подданный, потом крепостной, потом винтик системы, потом потребитель, оторванный от памяти и общества. Но при всех ударах истории в народе не исчезло главное — стремление к правде, справедливости, достоинству и общему делу.

Книга показывает, что Новая Русь будущего не может быть простым возвращением в прошлое. Она должна стать новым этапом — современным, сильным, образованным, технологичным, но укоренённым в древних принципах общинности, совести, лада, народного участия и уважения к человеку труда.

Это книга не только о том, что было сломано, но и о том, что должно быть построено вновь. Она обращена к каждому, кто чувствует: народ может жить иначе, лучше, счастливее, достойнее — если сумеет вспомнить, кто он, и начнёт создавать своё будущее своими руками

ЧАСТЬ I. ИСТОКИ

Глава 1. В начале был Род

«Один в поле не воин». Русская пословица

Род как основа жизни

Прежде чем на нашей земле появились князья, города и государственные порядки, люди жили родами. Род не был семьёй в нашем сегодняшнем понимании, где несколько человек существуют за закрытой дверью, стараясь не мешать соседям. Род — это большая, живая общность: деды и бабки, отцы и матери, сыновья и дочери, внуки и правнуки. Все — на одной земле, под одним небом, связанные одной кровью и одной судьбой.

В роду не существовало понятия «чужой». Ребёнок, родившийся в любой семье, был общей радостью и общей ответственностью. Старик, доживший до седин, почитался не из вежливости, а потому что в его памяти хранились знания, от которых зависело выживание всех. Женщина была хранительницей очага — не в бытовом, а в самом глубоком смысле этого слова: без неё род терял своё тепло и свою душу.

Одиночество в таком мире было невозможно. Род напоминал дерево: ствол, корни, ветви, крона. Каждый человек

— живая ветвь общего дерева. Убери одну — и дерево ослабнет. Позаботься о каждой — и оно выстоит в любую бурю.

Общая земля, общий труд

Земля в родовой общине не принадлежала никому. Она не была товаром, который можно продать, купить или заложить. Земля воспринималась как общая кормилица: она давала жизнь всем, и все в ответ заботились о ней.

Пахали вместе. Сеяли вместе. Урожай собирали вместе. И делили по справедливости, чтобы каждая семья рода была обеспечена. Не существовало такого положения, при котором один человек сидел бы на мешках с зерном, а другой голодал в нескольких шагах от него.

Если кто-то из рода переживал беду — неурожай, болезнь, пожар, — помогали все. Не из жалости и не в расчёте на ответную услугу, а потому что таков был уклад жизни. Ослабнет одна ветвь — пошатнётся всё дерево. Эта простая истина не нуждалась в объяснениях. Она была очевидна каждому.

Совет старейшин

Кто управлял родом, если не было ни царей, ни чиновников, ни назначенных начальников?

Управлял Совет старейшин. Само это слово говорит о многом: старейшины — не те, кто сильнее, а те, кто мудрее. Те, кто прожил дольше, видел больше, понял глубже.

Их не назначали сверху. Их не выбирали голосованием в

современном смысле слова. Их выдвигала сама жизнь. Весь род видел, кто справедлив, кто рассудителен, кто способен думать не о себе, а обо всех. Такому человеку и доверяли право говорить от имени общины.

При этом старейшина не был единоличным правителем. Он не мог приказать — он мог лишь предложить, объяснить, убедить. Окончательное решение по важным вопросам принималось сообща. Если старейшина переставал оправдывать доверие, род заменял его — спокойно, без потрясений. Просто: «Ты больше не самый мудрый среди нас. Сядь и послушай того, кто мудрее».

Власть в родовой общине была не привилегией, а служением. Старейшина ел не первым, а последним — убедившись, что все сыты. Думал не о собственной выгоде, а о благе рода. Это была власть ответственности, а не власть силы.

Закон рода

В родовой общине существовал неписанный, но нерушимый закон. Он не был высечен на камне и не хранился в архиве. Он жил в сердце каждого человека.

Этот закон можно выразить тремя словами: чужой беды не бывает.

Если сгорело жилище — весь род вставал и строил новое. Не когда-нибудь потом, не после «рассмотрения заявления», а сразу. Если осиротел ребёнок — его принимала другая семья рода, и он никогда не чувствовал себя чужим. Если кто-

то заболел — за ним ухаживали, не спрашивая, «положено» ли это.

Это не было благотворительностью. Это был образ жизни. Люди понимали то, что мы в значительной мере забыли: помогая другому, ты укрепляешь целое, частью которого являешься сам. Бросая другого — ты разрушаешь себя.

Женщина — хранительница рода

Женщина в родовой общине занимала особое место. Она была не «слабым полом» и не прислугой, а хранительницей жизни в самом прямом смысле: она рожала детей, а значит — продолжала род. Без неё род прекращал существование.

Но её роль не сводилась к материнству. Женщина хранила огонь — и домашний очаг, и дух семьи. Она знала целебные травы, умела лечить, умела утешить, умела объединить. Во многих общинах голос женщины на совете был равен голосу мужчины, а в некоторых мнение старшей женщины рода имело решающий вес.

Наши предки понимали то, что так называемый «цивилизованный» мир начал забывать: общество, которое не уважает женщину, обречено.

Дети — будущее, которое берегли всем миром

Ребёнок в роду был не «нагрузкой на бюджет», а будущим всей общины. Её надеждой и её бессмертием.

Поэтому детей воспитывали все. Не только мать и отец, а

весь род. Дед учил мальчика мастерить, бабка рассказывала девочке о травах, дядя брал племянника на охоту, тётка показывала племяннице, как прясть. Община была одной большой школой, где каждый взрослый — наставник, а каждый ребёнок — ученик.

Если ребёнок ошибался или оступался, его не ломали. Его направляли, объясняли, показывали пример. Сломанный ребёнок — это сломанная ветвь, которая не даст плодов. Наши предки это понимали без всяких учебников по педагогике.

Память, передаваемая из поколения в поколение

Мы привыкли считать, что история нашего народа начинается с князей и летописей. Но родовая община существовала задолго до первой записанной строки. Тысячелетиями знания, обычаи и память рода передавались устно — от старших к младшим, от деда к внуку, от матери к дочери.

Эта устная традиция была не менее надёжной, чем письменная. Она хранила всё: как пережить суровую зиму, когда сеять, какие травы лечат, как построить жилище, как разрешить спор, как вести себя достойно. Человек, выросший в такой традиции, знал, кто он и откуда. Он чувствовал за спиной сотни поколений предков — и это давало ему внутреннюю опору, которую невозможно заменить никаким государственным документом.

Именно с этих родовых общин начинается наша настоящая история. Не с указов и завоеваний, а с простого и вели-

кого уклада жизни, в котором человек никогда не был один.

Но насколько древен этот уклад? Когда именно на нашей земле появились первые организованные поселения? Ответ на этот вопрос хранит земля Воронежской области, в месте, которое называется Костёнки.

Глава 2. Костёнки: память глубокой древности

«Кто не знает своего прошлого, у того нет будущего».
Народная мудрость

Земля, которая помнит

Нам с детства рассказывали, что цивилизация зародилась далеко от наших краёв — в Египте, Месопотамии, Древней Греции. Что именно оттуда, из тёплых южных земель, свет знания постепенно достиг наших «диких северных лесов». Что мы — народ молодой и незрелый, получивший грамоту и порядок лишь из чужих рук.

Но в Воронежской области, на берегу тихого Дона, в земле села Костёнки хранятся свидетельства, которые ставят эту привычную картину под серьёзное сомнение.

Костёнки — это комплекс из более чем шестидесяти стоянок древнего человека, расположенных на небольшой территории. Первые находки здесь были сделаны ещё при Петре I: в 1717 году солдаты, рывшие погреб, наткнулись на огромные кости. Тогда решили, что это останки слонов из армии Александра Македонского — настолько трудно было поверить в древность собственной земли.

С тех пор Костёнки изучают уже более трёхсот лет. И с каждым десятилетием открытия становятся всё более пора-

зительными.

Сорок тысяч лет

Возраст самых древних находок в Костёнках превышает сорок тысяч лет. Некоторые исследователи называют цифры до сорока пяти — пятидесяти тысяч лет. Для сравнения: египетским пирамидам около четырёх с половиной тысяч лет, Древнему Риму — около двух тысяч восьмисот. Когда на берегу Дона уже существовали организованные поселения, до появления Рима и Египта оставались десятки тысячелетий.

И это были не случайные стоянки кочевников, ненадолго остановившихся у реки. То, что нашли археологи, говорит о совершенно ином уровне жизни.

Строители, а не дикари

Одно из самых значительных открытий Костёнок — жилища, построенные из костей мамонта. В эпоху, когда, по устоявшимся представлениям, люди должны были ютиться в пещерах, обитатели этих мест возводили настоящие сооружения: каркас из массивных костей и бивней, покрытие из шкур, внутри — очаг для обогрева и приготовления пищи.

Такое строительство требовало не только физической силы, но и способности планировать, распределять обязанности и работать сообща. Один человек не мог построить подобное жилище. Это было под силу только общине, действующей как единый организм, — тому самому роду, о котором

шла речь в предыдущей главе.

Общие запасы

Археологи обнаружили в Костёнках общие хранилища и кладовые ямы для припасов. Это означает, что добыча не пряталась по углам, а собиралась централизованно и распределялась между всеми.

Здесь мы видим тот же принцип, который определял жизнь родовых общин на протяжении тысячелетий: общая земля, общий труд, общее благо. Охотник нёс добычу не в свою «личную кладовую», а в общий котёл. И каждый был сыт.

Искусство и духовность

Среди находок Костёнок — десятки статуэток, вырезанных из кости мамонта и камня. Знаменитые «палеолитические Венеры» — женские фигурки с подчёркнутыми чертами материнства. Подобные статуэтки встречаются по всей Европе, но одни из самых древних обнаружены именно здесь.

Эти фигурки — не «примитивные поделки». Они свидетельствуют о том, что у обитателей Костёнок существовала духовная жизнь. Они почитали женщину как носительницу жизни, как символ продолжения рода. Голодный, борющийся за существование человек не станет часами вырезать из кости изящную фигурку. Искусство появляется там, где есть

организованный быт, общий труд и хотя бы малая толика свободного времени. А свободное время появляется там, где человек не одинок — где рядом община, берущая на себя часть забот.

Помимо статуэток найдены украшения — бусы из ракушек и зубов животных, подвески, орнаменты. А также орудия труда высокой степени обработки: ножи, скребки, наконечники. Всё это говорит о мастерстве, которое не возникает на пустом месте. Оно передавалось из поколения в поколение — мастер учил ученика, мать обучала дочь, старший делился опытом с младшим.

Чего в Костёнках не нашли

Не менее важно и то, что в Костёнках отсутствует. Не обнаружено следов дворцов или выделенных жилищ для «знати». Нет отдельных роскошных захоронений, характерных для обществ с резким социальным расслоением. Жилища примерно одинаковы по размеру и устройству. Инвентарь распределён равномерно.

Из этого следует простой вывод: на нашей земле сорок тысяч лет назад существовало общество, в котором не было деления на господ и рабов. Не было «элиты», живущей за счёт остальных. Была община равных — род, где каждый человек имел ценность и место.

Почему об этом молчат

Костёнки — одно из древнейших поселений на территории Европы. Но в школьных учебниках им уделяется, в лучшем случае, несколько строк, тогда как истории Древнего Рима посвящены целые разделы.

Причина этого умолчания не только в инерции академической науки. Признание того, что на территории России существовала высокоорганизованная община за десятки тысяч лет до так называемых «колыбелей цивилизации», подрывает один из ключевых мифов, на которых веками держалось подчинение нашего народа: миф о том, что мы — «варвары», которых необходимо «цивилизовать» извне. Сначала — варяги, потом — византийцы, потом — немецкие учёные при Романовых.

Именно при Романовской династии история Руси подверглась наиболее масштабной переработке. В Российскую академию наук были приглашены немецкие историки — Герхард Миллер, Готлиб Байер, Август Шлёцер. Они создали так называемую «норманнскую теорию», согласно которой славяне были дикими племенами, неспособными к самоуправлению, и порядок им якобы принесли скандинавские варяги.

Великий русский учёный Михаил Ломоносов решительно противостоял этой концепции. Он понимал, что уничтожение исторической памяти — это уничтожение самосознания народа. Если люди не знают, кто они и откуда, ими легко управлять. Им можно внушить что угодно.

Живая память

Несмотря на столетия умолчания, генетическая память народа не исчезла. Традиция «помочей», когда всем селом строили дом погорельцу или помогали вдове убрать урожай, жила в русских деревнях вплоть до XX века. Это не заимствование из какой-либо внешней культуры. Это отголосок того самого родового уклада, которому десятки тысяч лет.

Само русское слово «мир» несёт в себе тройной смысл: вселенная, община и покой. Для наших далёких предков эти значения были неразделимы — их община и была их вселенной, и в ней царил мир.

Костёнки напоминают нам: наша история несоизмеримо глубже и богаче, чем принято считать. Нашей традиции общинной жизни — не сотни, а десятки тысяч лет. Она старше пирамид, старше Рима, старше любой из известных нам империй.

Но одной общинной организации было недостаточно. Чтобы понять, почему наши предки так долго оставались свободными, нужно заглянуть глубже — в их внутренний мир. В их веру, обычаи и духовный строй, который делал порабощение невозможным.

Глава 3. Совет старейшин, общая земля и жизнь в ладу

I

В предыдущей главе мы заглянули в самую глубь времён. Увидели Костёнки — древнейшее поселение на нашей земле, свидетельство того, что наши предки жили здесь задолго до того, как возникли государства, империи, границы и столицы. Жили — и не просто выживали. Строили жилища. Создавали орудия. Украшали одежду. Хоронили мёртвых с любовью и уважением. Были — людьми. В полном, глубоком, неотменяемом смысле этого слова.

Но как они жили вместе? Как была устроена их общая жизнь? Кто принимал решения? Кому принадлежала земля? Как распределялись труд и его плоды? Был ли среди них начальник, хозяин, правитель? Были ли рабы?

Эти вопросы — не праздные. Они — ключ ко всей книге. Потому что именно в устройстве древней жизни наших предков заложены те принципы, к которым мы будем возвращаться на протяжении всего пути — от истоков до проекта будущего. Принципы, которые были разрушены, преданы, забыты — но которые живут в памяти народа и ждут своего часа.

II

Основой жизни наших предков был род. Не государство. Не город. Не территория. А род — большая семья, объеди-

нённая общим происхождением, общей землёй, общей судьбой.

Род — это не десять человек в одной хижине. Род мог насчитывать десятки, а иногда и сотни людей. Несколько поколений, живущих рядом. Деды и бабки. Отцы и матери. Дети и внуки. Братья и сёстры. Двоюродные, троюродные — все связанные кровью, памятью и общим делом.

Род не был случайным скоплением людей. Он был организмом. Живым, дышащим, самодостаточным организмом, в котором каждый занимал своё место и выполнял свою роль. Мужчины охотились, строили, защищали. Женщины вели дом, растили детей, хранили огонь, знали травы и обряды. Старшие учили младших. Младшие помогали старшим. Все вместе — трудились, праздновали, горевали, принимали решения.

И вот здесь — самое важное. Решения принимались вместе. Не один человек решал за всех. Не сильнейший навязывал свою волю. Не богатейший покупал право командовать. Решения, касающиеся общей жизни, обсуждались сообща — и принимались сообща.

Как это было устроено? Через совет старейшин.

III

Слово «старейшина» мы сегодня воспринимаем просто: старый человек, который командует. Но в древности это слово означало нечто совсем иное. И понять это — значит по-

нять саму суть того, как наши предки относились к власти.

Старейшина — это не начальник. Не чиновник. Не правитель. Старейшина — это человек, которому доверяют. Доверяют не потому, что он назначен. Не потому, что он захватил власть. Не потому, что у него больше оружия или больше скота. А потому, что люди видят в нём то, что делает человека достойным доверия: мудрость, справедливость, опыт и заботу об общем благе.

Старейшиной не рождались. Старейшиной становились. Через прожитую жизнь. Через дела, которые видели все. Через решения, которые оказывались правильными. Через слова, которые оказывались правдивыми. Через заботу, которая была не показной, а настоящей.

И старейшиной переставали быть — если доверие было утрачено. Не нужно было ни суда, ни голосования, ни сложной процедуры. Если старейшина начинал действовать несправедливо, если он начинал думать о себе больше, чем об общине, если он терял мудрость или совесть — люди просто переставали к нему прислушиваться. Его слово теряло вес. Его совет переставали спрашивать. И на его место приходил другой — тот, кому доверяли.

Это была власть доверия. Не власть должности, которую можно занимать независимо от того, заслуживаешь ли ты её. Не власть силы, которая подчиняет страхом. Не власть денег, которая покупает послушание. А власть доверия — самая естественная, самая здоровая, самая человеческая форма

власти, которую когда-либо знало человечество.

Совет старейшин — это не один мудрец, сидящий на троне. Это несколько уважаемых людей, которых род признал достойными говорить от его имени. Они собирались, когда нужно было принять важное решение: куда перенести стоянку, как распределить охотничьи угодья, как разрешить спор между семьями, как поступить с нарушителем обычая, как готовиться к зиме, как встретить чужаков.

Они не приказывали. Они советовали. Они не диктовали. Они обсуждали. Они выслушивали каждого, кто хотел быть услышанным. И потом — находили решение, которое устраивало род в целом. Не идеальное — идеальных решений не бывает. Но справедливое. Такое, с которым могли жить все.

IV

А что же остальные? Те, кто не был старейшиной? Были ли они безмолвными подданными, покорно ожидающими указаний сверху?

Нет. И это — одно из принципиальных отличий родового строя от всего, что пришло после.

В родовой общине голос имел каждый взрослый. Не только старейшины. Каждый мужчина и каждая женщина, достигшие зрелости, могли высказаться на общем собрании. Могли возразить старейшине. Могли предложить иное решение. Могли не согласиться — и быть услышанными.

Это не значит, что каждый крик принимался за истину.

Мнение опытного, мудрого человека весило больше, чем мнение юнца. Слово того, кто доказал свою правоту делами, значило больше, чем слово того, кто только говорил. Но — и это ключевое — никого не лишали права говорить. Никого не заставляли молчать. Никого не отодвигали в сторону со словами: «Ты — никто, и голос твой ничего не значит».

Это был живой, шумный, иногда спорный процесс. Люди не всегда соглашались друг с другом. Бывали горячие споры. Бывали конфликты. Но они решались внутри общины, через обсуждение, а не через насилие. Через убеждение, а не через приказ. Через поиск общего решения, а не через подавление несогласных.

Вот почему эта система работала тысячелетиями. Не потому, что люди были ангелами. Они были обычными людьми — со своими страстями, слабостями, амбициями. Но система была устроена так, что эти страсти и амбиции уравнивались общинным контролем. Человек, который пытался подчинить себе род, наталкивался на сопротивление всех остальных. Человек, который пытался присвоить себе общее, оказывался изгоем. Система не позволяла одному выситься над всеми — потому что все следили за каждым, и каждый знал: он живёт среди своих, и своих не обманешь.

V

Теперь — о земле. Потому что вопрос о земле — это во-

прос о свободе.

В родовой общине земля не принадлежала никому в отдельности. Она принадлежала роду. Всему роду. Не старейшине. Не самому сильному охотнику. Не самой большой семье. Всему роду — как единому целому.

Это не значит, что земля была «ничья». Напротив — она была общей. А общее — это больше, чем личное. Общее — это то, за что отвечают все. То, что нельзя продать, подарить, обменять по прихоти одного человека. То, что передаётся из поколения в поколение — не как собственность, а как наследство всего рода.

Охотничьи угодья были общими. Рыболовные места были общими. Пастбища были общими. Леса были общими. Вода была общей. Каждый член рода имел равное право пользоваться дарами земли — и каждый нёс равную ответственность за то, чтобы эти дары не были истощены.

Когда позже, через тысячелетия, появилось земледелие — принцип сохранился. Пахотная земля распределялась между семьями рода, но не навсегда и не в собственность. Периодически происходил передел — чтобы никто не накопил слишком много, а никто не остался без ничего. Земля оставалась общей. Семья получала участок для обработки — но не право владеть им вечно, передавать по наследству как частную собственность или продавать чужакам.

Почему это было так? Потому что наши предки понимали простую вещь, которую современный мир старательно забы-

вает: земля — не товар. Землю не создал ни один человек. Она была до нас и будет после нас. Она — основа жизни. И превращать основу жизни в предмет торговли — значит подрубить сук, на котором сидишь.

Общая земля создавала равенство. Не формальное равенство, записанное в законе, который никто не соблюдает. А реальное, живое равенство, вытекающее из самого устройства жизни. Если земля общая — нет помещиков и крестьян. Нет хозяев и батраков. Нет тех, кто владеет, и тех, кто гнёт спину. Есть люди, которые вместе живут на общей земле и вместе её обрабатывают.

VI

И вот мы подходим к вопросу, который, может быть, поразит современного человека больше всего. К вопросу о рабстве.

У наших предков не было рабов.

Это не красивая легенда. Это подтверждается и археологией, и сравнительным изучением древних обществ, и анализом языка, обычаев и правовых норм ранних славянских общин.

Рабство — это институт, который появляется тогда, когда один человек получает право владеть другим человеком как вещью. Когда побеждённого в войне не убивают и не отпускают, а превращают в собственность. Когда должника не просто наказывают, а лишают свободы навсегда. Когда чело-

век перестаёт быть человеком и становится инструментом.

Для этого нужна определённая система взглядов. Нужно верить, что один человек может быть выше другого. Что есть люди, рождённые для свободы, и люди, рождённые для подчинения. Что владеть человеком — нормально.

Наши предки так не думали. Для них каждый член рода был — человеком. Свободным. Равным. Имеющим право на голос, на землю, на защиту рода. Пленников, захваченных в стычках с другими племенами, не превращали в рабов. Их либо отпускали, либо принимали в род — и тогда они становились равноправными членами общины.

Это поразительный факт. Особенно если сравнить с тем, что происходило в других цивилизациях в то же самое время. В Древнем Риме рабство было основой экономики. В Древней Греции — нормой. В Египте — государственной системой. Целые цивилизации были построены на труде рабов. А наши предки обходились без этого. Не потому, что были слабы или бедны. А потому, что их представление о человеке не допускало превращения живого существа в вещь.

Рабство на Руси появилось позже. Гораздо позже. И пришло оно не изнутри — а снаружи. Вместе с влиянием тех самых цивилизаций, которые считали рабство нормой. Вместе с княжеской властью, которая нуждалась в подчинённых. Вместе с церковной идеологией, которая учила смирению перед господином. Но об этом — в следующих главах.

Здесь важно запомнить одно: свободный, безрабский, об-

щинный строй — это не утопия и не выдумка романтиков. Это — наше прошлое. Реальное, историческое, подтверждённое прошлое. И знание об этом прошлом — не ностальгия. Это — фундамент, на котором можно строить будущее.

VII

Но было бы ошибкой представлять жизнь наших предков как рай на земле. Жизнь была трудной. Суровой. Полной опасностей. Холод, голод, болезни, нападения зверей и враждебных племён — всё это было частью повседневности. Люди жили недолго. Детская смертность была высокой. Один неурожай мог стоять жизни всему роду.

И именно поэтому община была так важна. Человек, оставшийся один, — погибал. Семья, отколовшаяся от рода, — была обречена. Выжить можно было только вместе. И люди жили вместе — не из идеализма, а из необходимости. Но эта необходимость породила нечто большее, чем просто способ выживания. Она породила культуру. Культуру взаимопомощи. Культуру общего дела. Культуру ответственности каждого за каждого.

Эта культура не была записана в законах — потому что законов ещё не было. Она была записана в обычаях, в песнях, в сказках, в обрядах, в самом укладе жизни. Она передавалась от поколения к поколению — не через книги, а через пример. Через то, как отец учил сына. Как мать учила дочь. Как старший показывал младшему, что значит быть частью рода.

И когда мы говорим о совести, о ладе, о достоинстве, об общинности — мы говорим именно об этой культуре. Культуре, которая была выкована в суровых условиях древней жизни и которая оказалась настолько живучей, что пережила тысячелетия. Пережила крещение, орду, крепостное право, революцию, войну, советскую систему, перестройку и хаос девяностых. Пережила — и всё ещё живёт. В глубине народной души. В тех простых словах, которые каждый русский, украинский, белорусский человек знает с детства: помогай ближнему. Не бросай своих. Живи по совести.

VIII

Дмитрий Сергеевич Лихачёв, великий защитник русской культуры, говорил: «Память — основа совести и нравственности. Хранить память, беречь память — это наш нравственный долг перед самими собой и перед потомками».

Вот почему эта глава так важна. Не потому, что мы идеализируем прошлое. Не потому, что зовём вернуться в пещеры и землянки. А потому, что в прошлом заложены те принципы, без которых невозможно будущее.

Совет старейшин — прообраз народного самоуправления, к которому мы вернёмся в главах о Народных Советах.

Общая земля — прообраз справедливой экономики, о которой мы будем говорить в главе об экономике достоинства.

Равенство и отсутствие рабства — прообраз того достоинства, которое должно быть возвращено каждому человеку.

Власть доверия — прообраз той подотчётной, сменяемой, честной власти, которую мы предложим в главах о Профессиональном Собрании.

Общинность и взаимопомощь — прообраз того общества, которое мы будем описывать в главе о державе взаимопомощи.

Всё, что было у наших предков — в простой, неразвитой, но живой форме, — должно вернуться в новой, современной, сильной форме. Не как копия — как продолжение. Не как музей — как жизнь.

Потому что корни не устаревают. Корни — это то, что держит дерево. И чем глубже корни — тем выше дерево может вырасти.

Наши корни — глубоки. Наше дерево — может быть великим.

Если мы не забудем, откуда растём.

ЧАСТЬ II. ДУША ВОЛЬНОГО НАРОДА

Глава 4. Мир древней Руси: боги, Правь, Явь, Навь и духовный строй

«Мы — Даждьбожыи внуки». «Слово о полку Игореве»

Вера без храма

У наших предков не существовало религии в том виде, в каком мы привыкли понимать это слово. Не было замкнутых каменных зданий, куда полагалось приходить по расписанию. Не было единой священной книги, в которой раз и навсегда записана истина. Не было замкнутой касты жрецов, присвоивших себе право говорить от имени высших сил.

Вера наших предков была иной — открытой, живой, растворённой в каждом мгновении жизни. Для древнего славянина священным было всё: и лес, шумящий на ветру, и река, несущая свои воды к морю, и поле, дающее хлеб, и огонь, согревающий дом, и небо, по которому движется солнце. Весь мир был храмом, и человек жил в этом храме постоянно — не заходя в него на час по воскресеньям, а пребывая в нём от первого вдоха до последнего.

Это мироощущение определяло всё. Если мир священен, его нельзя осквернять. Если река — живая сила, её нельзя

отравлять. Если лес — обитель духов, его нельзя бездумно уничтожать. Если земля — мать, её нельзя продавать. Вера и жизнь были неразделимы, и именно это делало человека ответственным перед миром, в котором он существовал.

Три мира: Правь, Явь и Навь

Мироздание в представлении наших предков не было плоским и однослойным. Оно состояло из трёх миров, пронизывающих друг друга, подобно корням, стволу и кроне Мирового Древа.

Явь — мир видимый, осязаемый, тот, в котором живёт человек. Это земля под ногами, небо над головой, люди рядом, звери в лесу, рыба в реке. Явь — это настоящее, то, что можно увидеть, потрогать, почувствовать. Но Явь не существует сама по себе. Она держится на двух других мирах, как ствол дерева держится на корнях и тянется к кроне.

Тип — Правь — мир высшего закона, мир истины и вселенского порядка. Правь — это не место, а принцип. Закон, по которому устроено всё сущее: смена времён года, движение светил, рождение и смерть, воздаяние за добро и зло. Правь — это крона Мирового Древа, устремлённая к небу, к свету, к высшей справедливости.

Эта тройственная картина мира придавала жизни глубину и осмысленность, недоступную одномерному сознанию. Человек ощущал себя стоящим на перекрёстке трёх миров: он получал силу от предков из Нави, жил и действовал в Яви и стремился к высшей правде Прави. Он не был заброшенным

одиначкой в равнодушной вселенной. Он был звеном великой цепи, связывающей прошлое, настоящее и будущее.

Мировое Древо

Образ Мирового Древа — один из центральных в славянском мировоззрении. Это не просто красивая метафора. Это модель вселенной, в которой всё связано со всем.

Корни Древа уходят в Навь — в мир предков. Ствол стоит в Яви — в мире живых. Крона поднимается в Правь — к высшему порядку и свету.

По стволу Древа движутся силы, соединяющие все три мира. Птицы, сидящие в кроне, символизируют небесные силы. Змей, обвивающий корни, охраняет мир предков. Животные на стволе — силы земного мира.

Этот образ был настолько глубоко вплетён в жизнь, что его можно увидеть повсюду в народном искусстве: на вышивках, резных наличниках, прялках, посуде. Даже спустя столетия после крещения русские мастерицы продолжали вышивать Мировое Древо на рушниках и рубахах — часто уже не осознавая его первоначального смысла, но сохраняя образ на уровне генетической памяти.

Боги древней Руси

Род

Род — начало всего. Бог-прародитель, из которого произошло всё сущее: небо и земля, люди и боги, свет и тьма,

жизнь и смерть. Он не был далёким, абстрактным божеством, сидящим где-то за облаками. Род был — всюду. В каждом дереве, в каждом ручье, в каждом новорождённом ребёнке, в каждом вздохе земли. Он был самой жизнью — той силой, которая заставляет зерно прорасти, реку течь, солнце вставать и женщину рожать.

Само слово «род» хранит память о нём. Родня. Родина. Родители. Природа. Народ. Урожай. Всё, что связано с жизнью, с продолжением, с корнями — всё идёт от Рода. Он — начало. Он — источник. Он — тот, без кого ничего не было бы.

И когда наши предки говорили «мы — внуки Божьи», они имели в виду именно это: мы — продолжение Рода. Часть великого целого. Не рабы, не подданные, не черви перед лицом грозного судьи. А внуки. Дети. Наследники. Свободные существа, рождённые из любви и для любви. Через этот образ народ чувствовал свою связь со всем миром — и черпал в этой связи силу, достоинство и смысл.

Сварог

Сварог — бог неба, огня и созидательного труда. Великий кузнец, отец богов. Тот, кто выковал мир, как мастер куёт меч — ударами молота по раскалённому металлу, с терпением, умением и любовью к своему делу.

Для наших предков Сварог был не просто мифологическим персонажем. Он был образцом. Образцом творца, ма-

стера, созидателя. Того, кто не сидит без дела, а работает. Кто берёт бесформенную глыбу — и превращает её в нечто полезное и прекрасное. Кто владеет огнём — не разрушительным, а творческим. Огнём, который плавит металл и даёт людям орудия труда, оружие для защиты, украшения для радости.

Сварог научил людей ковать. Дал им плуг, чтобы пахать землю. Дал им топор, чтобы строить дома. Дал им меч, чтобы защищать своих. Небо называли Сваргой — небесной кузницей, где Сварог куёт звёзды и судьбы. И каждый кузнец на земле был немного Сварогом — потому что владел священным ремеслом, соединяющим огонь, металл и человеческую волю. В этом — глубокий смысл: боги древней Руси не требовали от людей только поклонения. Они учили их жить. Учили работать. Учили быть мастерами своей судьбы.

Сварожич

Сварожич — дух священного огня, сын Сварога. Тот самый огонь, который горит в печи, согревает дом, варит пищу, освещает тьму. Огонь, без которого невозможна человеческая жизнь.

Для нас, современных людей, огонь — это спичка, газовая конфорка, кнопка на зажигалке. Что-то настолько привычное, что мы даже не задумываемся о нём. Для наших предков огонь был чудом. Живым, тёплым, священным чудом. Потому что огонь — это то, что отделяет человека от зверя. Зверь

боится огня. Человек — владеет им. Зверь ест сырое. Человек — варит пищу. Зверь спит в холоде. Человек — греется у очага.

К огню относились с глубочайшим уважением. Печной огонь нельзя было оскорблять — плевать в него, бросать мусор, ругаться возле него. Когда семья переезжала в новый дом, огонь переносили с собой — в горшке с углями. Это был не просто практический жест, а обряд: перенос души дома, перенос Сварожича из старого очага в новый. Сварожич напоминал: тепло, свет и внутренний жар души нужно хранить и беречь. Потухший очаг — это не только холод. Это знак того, что дом потерял свою душу.

Даждьбог

Даждьбог — бог солнечного света, тепла, плодородия и благополучия. Сын Сварога. Тот, кто даёт. Само его имя говорит об этом: Дажд-бог — дающий бог. Он ехал по небу на золотой колеснице, запряжённой белыми конями, и нёс людям свет, тепло и жизнь.

Без него не росли бы хлеба. Не зрели бы плоды. Не было бы урожая. Не было бы самой жизни. Даждьбог был щедрым. Он давал, не требуя ничего взамен. Как солнце, которое светит всем — и праведным, и неправедным, и богатым, и бедным. В этом — урок древней мудрости: истинная щедрость не ждёт награды. Она даёт — потому что таково её естество.

Русских людей в древних текстах называли «Даждьбожьими».

ми внуками». Не рабами бога — внуками. Наследниками его света и его щедрости. И в этом звании не было ни гордыни, ни самовозвышения. Была живая, тёплая, родственная связь между человеком и тем светом, который даёт жизнь. Связь, которая напоминала каждому: ты — часть великого целого. И свет, который ты несёшь в себе, — часть того же солнца.

Хорс

Хорс — бог солнечного диска, вечного, неостановимого движения солнца по небосводу. Если Дажьбог — это то, что солнце даёт, то Хорс — само солнце, каким его видит глаз, когда поднимает взгляд к небу. Огненное, золотое светило, совершающее свой великий путь от рассвета до заката.

Для наших предков солнце было не раскалённым шаром газа, как говорит наука. Солнце было — богом. Живым, зрячим, сияющим существом, которое каждое утро поднимается на востоке и каждый вечер опускается на западе. Чтобы ночью пройти через подземный мир — и утром снова взойти. Каждый день. Без усталости. Вечно.

В этом ежедневном круге — глубочайший символ. Хорс учил: жизнь — это движение. Остановка — это смерть. Каждый день нужно вставать, как встаёт солнце. Каждый день — проходить свой путь от начала до конца. Имя Хорса, возможно, связано с древним корнем, означающим «круг». От этого же корня, вероятно, произошли слова «хоровод» — круговой танец, повторяющий движение солнца, — и «хорошо»

— то, что в ладу с мировым порядком. Хорс напоминает: подними глаза, посмотри на небо, увидь солнце — и вспомни, что ты часть великого круга жизни.

Перун

Перун — бог грозы, молнии и воинской доблести. Самый грозный из богов. Тот, чей голос — гром, чей взгляд — молния, чья воля — буря. Дуб — его священное дерево: могучий, негниблемый, уходящий корнями глубоко в землю и кроной — в небо.

Перун был покровителем воинов. Но не завоевателей, не агрессоров — защитников. Тех, кто стоит за свою землю, за свой род, за свою семью. Его почитали дружинники и князья, но не потому, что он был богом власти. А потому, что он был богом силы, направленной на защиту правды.

Но Перун не был слепой силой. Он был ещё и богом справедливости. Его молния была не наугад — она была по тем, кто нарушил клятву, кто предал, кто обманул. Перун следил за тем, чтобы слово держалось, чтобы обещание выполнялось, чтобы честь была не пустым звуком. В этом — важный урок: сила без справедливости — разрушительна. Справедливость без силы — беспомощна. Только вместе они создают ту защиту, без которой невозможна свободная жизнь.

Велес

Велес — бог мудрости, скотоводства, богатства, магии и

потустороннего мира. Самый загадочный и самый многоликий из славянских богов. Если Перун — это небо, молния, удар, то Велес — это земля, корни, глубина. Перун правит наверху. Велес — внизу. Не в смысле «ниже» — а в смысле «глубже». Он знает то, что скрыто. Видит то, что невидимо.

Велес был покровителем скота — а значит, и богатства. Но не того богатства, которое берётся обманом и жадностью. А того, которое приходит от труда, от умения, от мудрости. Велес учил: будь умён, будь предприимчив, будь внимателен — и земля тебя вознаградит.

Велес был ещё и богом поэзии, песен, сказаний. Вещий Боян, легендарный певец из «Слова о полку Игореве», назван «Велесовым внуком». Потому что слово, песня, сказание — это тоже мудрость, тоже глубина, тоже связь с невидимым миром. И Велес был хранителем Нави — мира предков. Он стоял на границе между мирами и следил за тем, чтобы связь между живыми и ушедшими не обрывалась. Чтобы предки не были забыты. Чтобы их мудрость продолжала жить — в песнях, в обрядах, в памяти рода.

Стрибог

Стрибог — бог ветра. Повелитель воздушных стихий. Тот, чьё дыхание — буря, чей шёпот — ветерок, чей голос — выюга. Ветер для наших предков был живым. Он дышал, говорил, мог быть ласковым — и мог быть грозным.

Стрибог управлял всеми ветрами — выпускал их на волю,

как пастух выпускает стадо. Северный — суровый, несущий зиму. Южный — тёплый, несущий весну. Западный — влажный, приносящий дожди. Восточный — сухой, обжигающий. В «Слове о полку Игореве» ветры названы «Стрибожьими внуками» — у ветра есть род, есть предок, есть хозяин.

Стрибог учил тому, что стихию нельзя победить — но можно с ней жить. Моряк, который знает ветер, ставит парус правильно. Пахарь, который чувствует ветер, знает, когда сеять и когда ждать дождя. И ещё одно: ветер — это свобода. Он не знает границ, не признаёт заборов, не подчиняется приказам. Он — вольный. Как были вольны наши предки. Стрибог напоминает: свобода — естественна. Она, как ветер, не нуждается в разрешении. Она просто есть. Или — её нет. И когда её нет — мир задыхается.

Макошь

Макошь — богиня судьбы, плодородия и женского начала. Великая мать, та, что прядёт нити судьбы — каждому человеку, каждому роду, каждому народу. Её имя, возможно, соединяет слова «мать» и «кошт» (судьба, жребий). Мать судьбы. Та, что определяет, какой будет жизнь.

Макошь изображалась с веретеном в руках. Она пряла — и из её пряжи рождалась нить жизни. Рядом с ней стояли две помощницы — Доля и Недоля. Доля пряла счастливую судьбу, Недоля — несчастливую. Но судьба не была предрешена. Человек мог своими делами, своим трудом, своей совестью

повлиять на то, какая нить ему достанется.

Макошь не была слепым роком. Она была справедливостью, которая воздаёт каждому по его делам. Через неё древние люди чувствовали, что жизнь ткётся как полотно — из труда, терпения, выбора и времени. Макошь почиталась женщинами особо. Потому что женщина — пряжа, хранительница дома, та, что даёт жизнь. И в этом она подобна самой Макоши — великой матери, прядущей судьбу мира.

Лада

Лада — богиня любви, красоты, весны и семейного согласия. Само её имя стало словом, которое знает каждый русский, украинский, белорусский человек: лад. Жить в ладу. Ладить друг с другом. Ладная семья. Ладная жизнь.

Лада — не богиня бурной, разрушительной страсти. Она — богиня любви тихой, глубокой, созидательной. Той любви, которая строит дом, рождает детей, хранит семью. Той любви, которая не кричит о себе, а просто есть — как воздух, как свет, как тепло.

Ладу призывали на свадьбах. Просили её благословения для молодых. Просили, чтобы в новой семье был лад — гармония, согласие, взаимное уважение. Не подчинение одного другому. Не борьба за власть. А лад. Лада учила: любовь — не чувство, которое приходит и уходит. Любовь — это работа. Ежедневная, терпеливая, тихая работа по созданию и сохранению гармонии. В семье. В доме. В отношениях между

людьми. И эта работа — священна. Потому что без неё мир рассыпается.

Ярило

Ярило — бог весеннего солнца, молодости, страсти, пробуждения и плодородия. Самый молодой, самый горячий, самый жизнерадостный из славянских богов. Если Дажьбог — это зрелое, полное солнце, дающее урожай, то Ярило — молодое, весеннее солнце, которое пробуждает землю от зимнего сна.

Он приходит весной — и снег тает, реки вскрываются, земля оживает, деревья зеленеют, и в людях просыпается жажда жизни, любви, движения. Ярило — это сила жизни в её самом чистом, первозданном виде. Сила, которая гонит сок по стволу дерева, заставляет птицу петь, зажигает огонь в глазах юноши, впервые увидевшего девушку.

Ярилин день праздновали весной — с кострами, хороводами, песнями, играми. Люди радовались — не потому, что кто-то приказал радоваться. А потому, что весна. Потому, что солнце. Потому, что жизнь продолжается. И это стоит того, чтобы праздновать. Ярило напоминал: после любой зимы приходит весна. После любого холода — тепло. После любой тьмы — свет. Нужно только верить в это — и ждать.

Жива

Жива — богиня жизни. Сама жизнь, ставшая богиней. Та

сила, которая заставляет весной траву пробиваться сквозь мёрзлую землю, почки раскрываться на голых ветвях, птицу возвращаться из дальних краёв, а человека просыпаться утром и чувствовать: я жив, я дышу, я есть.

Её имя говорит само за себя. Жива. Живая. Жизнь. Живот (что в древнерусском означало «жизнь»). Живительная. Животворящая. Живу представляли как молодую, прекрасную женщину, полную сил и света. Там, где ступала её нога, расцветали цветы. Где она касалась дерева — оно покрывалось листьями. Где смотрела на человека — больной выздоравливал, уставший обретал силы.

Жива учила самому простому и самому великому: жизнь священна. Каждая жизнь. Жизнь ребёнка и жизнь старика. Жизнь дерева и жизнь реки. Всё живое — связано. Всё живое — едино. И тот, кто губит жизнь без нужды, губит часть самого себя. В контексте нашей книги образ Живы особенно важен. Потому что вся книга — о жизни. О том, как вернуть народу жизненную силу. Как пробудить то, что заглушено. Как оживить то, что умирает.

Симаргл

Симаргл — крылатый хранитель, священный страж мирового древа, защитник семян жизни и земных всходов. Среди всех богов древней Руси Симаргл — самый загадочный. Его имя упоминается в «Повести временных лет» среди шести главных богов, чьи идолы князь Владимир поставил на

холме в Киеве. Значит, он был важен настолько, что стоял в первом ряду.

Симаргла представляли как крылатого пса — или крылатого волка — с огненной гривой. Существо, соединяющее землю и небо, зверя и птицу, силу и стремительность. Он охранял мировое древо — ту ось мира, которая соединяла три мира: Правь, Явь и Навь. И не позволял тёмным силам нарушить этот порядок.

Но была у Симаргла и земная, тёплая, понятная роль — он охранял семена и всходы. Те самые семена, от которых зависит, будет ли хлеб. Те самые всходы, которые так хрупки и беззащитны. Симаргл берёт их — как сторожевой пёс бережёт стадо. В этом образе — глубокий смысл: тот, кто хранит семена, хранит будущее. И Симаргл, крылатый страж, напоминает: мир держится на тех, кто стоит на страже. Кто берёт росток новой жизни — тихо, незаметно, без славы и без награды. Просто потому, что кто-то должен это делать.

Мир богов древней Руси был значительно шире, чем можно описать в одной главе. У западных славян почитались Святовит, Радегаст, Триглав и другие. У каждого племени, каждого рода были свои покровители, свои священные места, свои обряды. Здесь мы рассказали о тех образах, которые были ближе и понятнее для большинства восточнославянских земель — для того общего корня, из которого выросли три ветви одного великого народа.

Каждый бог учил чему-то главному. Род — что мы все

едины. Сварог — что труд священен. Сварожич — что тепло нужно хранить. Дажьбог — что щедрость прекрасна. Хорс — что жизнь — это движение. Перун — что сила должна служить справедливости. Велес — что мудрость глубже силы. Стрибог — что свобода подобна ветру. Макошь — что судьба в наших руках. Лада — что любовь — это труд. Ярило — что жизнь стоит того, чтобы её праздновать. Жива — что всё живое священо. Симаргл — что будущее нуждается в защите.

Духи древней Руси

Домовой

Домовой — дух дома. Хранитель очага. Невидимый, но всегда присутствующий хозяин, который следит за порядком, оберегает семью и помогает тем, кто живёт по совести.

Домового представляли по-разному. Чаще всего — как маленького старичка с длинной бородой, живущего за печью или под порогом. Он не показывался людям без нужды, но его присутствие чувствовалось: скрипнет половица, качнётся занавеска, кот вдруг уставится в пустой угол — значит, домовой рядом.

Домовой любил порядок и трудолюбие. В доме, где хозяйева работающие, где чисто, где лад между мужем и женой, где детей воспитывают с любовью — домовой был добрым помощником. Он берёт скотину, приглядывал за детьми, предупреждал о беде, помогал хозяйству.

Но если в доме воцарялись лень, грязь, ссоры и пьянство — домовый сердился. Начиная шуметь по ночам, пугать, прятать вещи, беспокоить скотину. Не из злости — из досады. Из попытки сказать хозяевам: опомнитесь. Наведите порядок. Верните лад.

Когда семья переезжала в новый дом, домового звали с собой. Ставили ему угощение. Говорили: «Домовой-батюшка, пойдём с нами на новое место». Потому что дом без домового — не дом. Стены без души.

В этом образе — глубокая народная мудрость. Дом — не просто строение из дерева и камня. Дом — живое существо. У него есть душа. И эта душа — домовый. Символ того, что дом нужно любить, беречь и содержать в порядке. Тогда он ответит тем же.

Леший

Леший — дух леса. Хозяин чащи. Тот, кому принадлежат все деревья, все звери, все тропы и все тайны лесной глухомани.

Представляли его по-разному. То как высокого старика с зелёной бородой, одетого в мох и листья. То как обычного мужика, но с чем-то неуловимо нечеловеческим в облике — глаза не те, тень не так падает, следы ведут в никуда. Он мог обернуться деревом, зверем, птицей, ветром. Мог стать огромным — выше сосен. Мог стать крошечным — меньше гриба.

Леший не был злым. Но и добрым в привычном смысле — тоже не был. Он был — хозяином. И как всякий хозяин, он не любил, когда в его владениях вели себя непочтительно. Тех, кто входил в лес с уважением, кто не ломал деревья без нужды, не разорял гнёзда, не губил зверей ради забавы — леший не трогал. Мог даже помочь: вывести на грибное место, показать дорогу, уберечь от хищника.

Но тех, кто входил в лес как хозяин, кто рубил без меры, шумел, сквернословил, жёг костры, не затушив, — леший наказывал. Путал тропы. Заводил в чащу. Пугал звуками. Мог водить кругами часами, пока человек не опомнится и не попросит прощения.

В этом образе — экологическая мудрость, опередившая своё время на тысячелетия. Наши предки понимали: лес — не склад брёвен. Лес — живой мир. У него есть хозяин. И с этим хозяином нужно считаться. Входить в лес нужно как в гости — с уважением, с благодарностью, с пониманием, что ты здесь не главный.

Водяной

Водяной — дух воды. Хозяин рек, озёр, прудов и болот. Тот, кому принадлежит всё, что живёт в воде и у воды.

Представляли его как старика с длинной мокрой бородой из водорослей, с рыбьей чешуёй вместо кожи, с перепонками между пальцами. Он жил на дне — в подводном дворце из ракушек и речного камня. Правил рыбами, раками, лягуш-

ками, водяными змеями. И следил за тем, чтобы люди уважали его владения.

Рыбаки знали: с водяным шутики плохи. Перед рыбалкой нужно попросить у него разрешения. Бросить в воду угощение — кусок хлеба, щепотку табака. Сказать: «Водяной-батьюшка, дай удачи, не серчай». И если водяной был доволен — рыба шла. А если нет — сети рвались, лодка текла, а рыба уходила, как будто её и не было.

Водяной особенно не любил тех, кто загрязнял воду. Кто бросал в реку мусор. Кто мыл в ней что-то грязное. Кто относился к воде без уважения. Таких он мог наказать — утянуть в омут, перевернуть лодку, наслать болезнь.

Но тех, кто жил с водой в ладу — поил скотину чистой водой, не губил рыбу без нужды, благодарил реку за её дары — водяной берёг. Как берёг всё живое в своих владениях.

И снова — та же мудрость: вода — не ресурс. Вода — живое существо. У неё есть хозяин. И обращаться с ней нужно так, как обращаешься с тем, от кого зависит твоя жизнь. С уважением. С благодарностью. С совестью.

Кикимора

Кикимора — дух дома, но дух беспокойный, капризный, непростой. В отличие от домового, который оберегает хозяйство и помогает трудолюбивым, кикимора — его своенравная противоположность. Она поселяется в доме, где нарушен лад: где хозяйка ленива, где в семье раздоры, где забыли

порядок и чистоту. И тогда кикимора начинает свою работу: путает пряжу, гремит посудой по ночам, пугает детей, мешает спать, портит рукоделие, сбивает с толку домашних.

Представляли её по-разному. Чаще всего — как маленькую, сгорбленную, тощую женщину с растрёпанными волосами, одетую в лохмотья. Иногда — как невидимое существо, которое выдаёт себя только звуками: скрипом, шорохом, стуком, тихим бормотанием из-за печи.

Но вот что важно понять: кикимора в народном сознании не была абсолютным злом. Она была — сигналом. Знаком того, что в доме что-то не так. Что нарушена гармония. Что хозяйева забыли о порядке, о труде, о ладе. Если навести в доме чистоту, вернуть трудолюбие, восстановить мир в семье — кикимора уходила сама. Потому что ей нечего было делать в доме, где царит лад.

В этом — глубокая мудрость наших предков. Они не просто придумывали страшилки для детей. Они через образы духов объясняли законы жизни. Домовой учил: уважай свой дом, трудись, и дом будет тебя хранить. Кикимора учила: если запустишь дом, если вступишь в него лень и раздор — жди беды. Не от злого духа. От собственной нерадивости.

Банник

Банник — дух бани. Маленький, сердитый, горячий старичок, который жил в каждой бане и считал её своей вотчиной.

Баня для наших предков была не просто местом, где моются. Баня была — священным пространством. Местом, где человек очищался — не только телом, но и душой. Где смывалась грязь — и видимая, и невидимая. Где человек как бы рождался заново — выходил из бани чистым, обновлённым, лёгким.

И у этого священного места был свой дух — банник. Он следил за порядком. Требовал уважения. Не любил, когда в баню приходили пьяные, когда ругались, когда мылись в неурочное время — поздно ночью, после полуночи.

Тем, кто приходил с уважением, банник не мешал. Даже помогал — поддавал жару, берёг от угара, следил, чтобы вода не остыла. Но тех, кто нарушал правила, мог наказать: обжечь паром, напугать, запереть дверь. Не со зла — а как хозяин, который не терпит беспорядка в своём доме.

После мытья баннику оставляли веник и шайку с водой — в знак уважения. Говорили: «Спасибо, банник-батюшка». Потому что и здесь действовал тот же закон: у каждого места есть свой дух. И с каждым духом нужно жить в ладу.

Полевой

Полевой — дух поля. Хозяин пашни и лугов. Тот, кто следил за урожаем, за погодой, за тем, чтобы зерно уродилось, а сено — высохло.

Представляли его по-разному: иногда как маленького мужичка цвета земли, с травой вместо волос и глазами цвета

спелой пшеницы. Иногда — как ветерок, пробегающий по колосьям. Иногда — как тень, мелькнувшую на краю поля в полуденный зной.

Полевой не был опасен для тех, кто трудился честно. Он уважал пахаря, который работал от зари до зари. Помогал ему — берёг поле от засухи, отгонял вредителей, следил за тем, чтобы зерно налилось.

Но не любил лентяев. Не любил тех, кто бросал поле незасеянным. Кто не доделывал работу. Кто жадничал — собирал урожай, не оставив ничего земле. Таким полевой мог подпортить дело: наслать град, свалить копну, запутать борозду.

И здесь — всё тот же древний урок: земля — живая. Поле — живое. У него есть хозяин. И если ты хочешь, чтобы земля тебя кормила, — относись к ней с уважением. Работай честно. Не жадничай. Благодарю за то, что получил. И оставляй часть — земле, природе, будущему.

Завершающая мысль ко всему блоку

Вот каким был мир наших предков. Живым. Одушевлённым. Наполненным существами, с которыми нужно было считаться, которых нужно было уважать, с которыми нужно было жить в ладу.

Это не суеверие. Это — мировоззрение. Мировоззрение, при котором человек — не хозяин мира, а часть его. Не покоритель природы, а сосед. Не потребитель ресурсов, а бла-

годарный гость на земле, которая была до него и будет после.

Каждый бог учил чему-то главному. Род — что мы все едины. Сварог — что труд священен. Дажьбог — что щедрость прекрасна. Перун — что сила должна служить справедливости. Велес — что мудрость глубже силы. Макошь — что судьба в наших руках. Лада — что любовь — это труд. Ярило — что жизнь стоит того, чтобы её праздновать.

Каждый дух учил чему-то простому, но вечному. Домовой — что дом нужно любить. Леший — что лес нужно уважать. Водяной — что вода — не ресурс, а жизнь. Кикимора — что лень разрушает. Банник — что чистота священна. Полевой — что земля отвечает тем, кто её любит.

Всё это — не музейные экспонаты. Это — живые уроки. Уроки, которые актуальны сегодня так же, как были актуальны тысячу лет назад. И которые Новая Русь будущего должна помнить — не для того, чтобы вернуться в прошлое, а для того, чтобы не потерять душу на пути в будущее.

В этом — глубокая мудрость наших предков. Они не просто придумывали страшилки для детей. Они через образы духов объясняли законы жизни. Домовой учил: уважай свой дом, трудись, и дом будет тебя хранить. Кикимора учила: если запустишь дом, если вступишь в него лень и раздор — жди беды. Не от злого духа. От собственной нерадивости.

Все эти духи — не «нечистая сила» и не «бесы», как их позже объявит церковь. Они были частью живого мира, в котором каждое пространство имело своего хранителя. Дом,

баня, лес, поле, река — всё было одушевлено, всё требовало уважительного отношения. Человек жил не среди мёртвой материи, которую можно безнаказанно эксплуатировать, а среди живых сил, с которыми необходимо выстраивать отношения.

Это мировоззрение формировало совершенно особый тип личности — человека внимательного, чуткого к окружающему миру, понимающего свою ответственность перед ним. Человека, для которого уважение к природе было не «экологической программой», навязанной сверху, а естественным способом существования.

Предки: те, кто всегда рядом

Особое место в духовной жизни наших предков занимал культ ушедших. Это, быть может, самая глубокая и самая непонятная для современного человека часть древнего мировоззрения.

Для нас смерть — это конец. Стена. Пустота. Мы боимся смерти, стараемся не думать о ней, прячем её за стенами больниц и крематориев. Мы теряем близких — и остаёмся одни, потому что нам негде искать их после ухода.

Для наших предков всё было иначе. Смерть не была концом — она была переходом. Человек уходил из Яви в Навь, но не исчезал. Он становился частью незримого мира предков, которые продолжали присутствовать в жизни рода.

Предки наблюдали за живыми. Помогали в трудную ми-

нуту. Предупреждали об опасности через сны, знаки, предчувствия. Они были незримыми хранителями семьи — теми, кто стоит за спиной и не даёт упасть.

Поэтому к предкам обращались. Не просто «поминали» их — а разговаривали с ними. Просили совета. Благодарили за помощь. Рассказывали о важных событиях. На праздничном столе для предков оставляли угощение — не как пустой ритуал, а как знак того, что они по-прежнему часть семьи.

Существовали особые дни поминовения — Деды (Дзяды), Навий день, Радоница — когда связь между мирами живых и ушедших ощущалась особенно остро. В эти дни ходили на места захоронений, приносили еду и питьё, разговаривали с ушедшими так, как разговаривают с живыми.

Это отношение к смерти и предкам давало человеку нечто, чего начисто лишён современный мир, — ощущение непрерывности бытия. Человек знал, что он не одинок. Что за его спиной — сотни поколений тех, кто жил на этой земле до него. Что после его ухода он тоже не исчезнет, а займёт своё место среди хранителей рода.

С таким ощущением невозможно чувствовать себя «маленьким человеком». Невозможно считать свою жизнь бессмысленной. Ты — звено вечной цепи. До тебя были великие люди, которые любили, строили, защищали. После тебя будут те, кому ты передашь эстафету. Ты несёшь ответственность — перед прошлым и перед будущим.

Именно это ощущение нужно было уничтожить, чтобы

превратить свободного человека в покорного подданного. Потому что человек, за которым стоят предки, не станет ползать на коленях.

Волхвы: хранители знания

Волхвы занимали в славянском обществе особое положение. Они не были «жрецами» в том смысле, в каком это слово понимается применительно к другим религиям. У них не было храмов, где они безраздельно властвовали. Не было писаных канонов, которые только они имели право толковать. Не было монополии на общение с высшими силами.

Волхвы были хранителями знания. Они знали свойства трав, умели лечить, читали знаки природы, предсказывали погоду и урожай, совершали обряды, связывавшие общину с миром богов и предков. Они хранили устную историю рода — сказания, былины, песни, в которых была закодирована мудрость поколений.

При этом волхв не стоял над общиной. Он был её частью — как и старейшина, как и любой другой уважаемый член рода. Его авторитет покоился не на должности и не на назначении сверху, а на личном знании и умении. Плохого волхва, как и плохого старейшину, община могла отвергнуть.

Волхвы были живыми носителями той самой культуры, которую новая вера объявит «тьмой». Именно поэтому они стали одними из первых жертв крещения. Уничтожая волхвов, власть уничтожала не «колдунов» и «служителей бесов»

— она уничтожала библиотеки. Живые, ходячие библиотеки, в которых хранились тысячелетия народной мудрости.

Капища и священные рощи

Славяне не строили закрытых храмов. Их священные места были открытыми — как и сама их вера.

Капища устраивались в особых местах: на холмах, у родников, в рощах, на берегах рек — там, где сходились силы природы, где человек чувствовал присутствие чего-то большего, чем он сам. В центре капища обычно стоял идол — деревянное или каменное изображение бога. Вокруг — ритуальное пространство, где совершались обряды, приносились дары, звучали молитвы.

Но ещё более древней формой священного пространства были рощи. Целые участки леса объявлялись неприкосновенными. В них запрещалось рубить деревья, охотиться, нарушать тишину. Эти рощи были местами силы — пространствами, где человек мог побыть наедине с миром, прислушаться к голосу земли, ощутить связь с предками.

Священные рощи — одно из самых красивых и одновременно самых хрупких явлений славянской культуры. Они свидетельствуют о том, что наши предки понимали необходимость сохранения нетронутой природы задолго до появления каких-либо «экологических движений». Они оставляли часть мира в покое — не из расчёта, а из уважения. Из понимания того, что не всё на земле существует для челове-

ского потребления.

Почему они не знали слова «раб»

Теперь мы можем ответить на вопрос, поставленный в начале: почему наши предки не знали слова «раб» применительно к себе?

Потому что всё их мировоззрение, вся их духовная жизнь были построены на ином фундаменте. Человек, считающий себя внуком Дажьбога, не может быть рабом. Община, живущая в ладу с богами и духами, не нуждается в надсмотрщиках. Народ, чьи предки стоят за спиной и смотрят с небес, не позволит себя унижить.

Вера наших предков была верой свободных людей. Она не учила подчинению — она учила ответственности. Не учила страху — учила уважению. Не учила покорности — учила жить в согласии с миром и с собой.

Именно поэтому эта вера была несовместима с любой формой деспотии. Именно поэтому её нужно было уничтожить, прежде чем можно было начать строить вертикаль абсолютной власти. И именно поэтому нам так важно знать о ней — не для того, чтобы вернуться в прошлое, а для того, чтобы вспомнить, кто мы есть.

В следующей главе мы заглянем в повседневную жизнь наших предков — увидим, как они строили дома, какие ремёсла знали, что ели и во что одевались. Увидим народ, не

только верящий и думающий, но и работающий — умелый, изобретательный, создающий красоту своими руками.

Глава 5. Как жили: дом, труд, ремёсла

«Не дом хозяина красит, а хозяин дом». Русская пословица

Дом как мироздание

Для современного человека дом — это стены, крыша и адрес в документах. Место, куда приходят ночевать после работы. Для наших предков дом был чем-то неизмеримо большим. Он был маленькой вселенной — отражением всего мироустройства, воплощённым в дереве, глине и соломе.

Строительство дома было не просто хозяйственным делом. Это был священный акт — создание нового мира, в котором будет жить семья. И потому каждый этап строительства сопровождался обрядами, а каждая часть дома несла в себе глубокий смысл.

Место для дома выбирали с особой тщательностью. Существовали десятки примет и способов определить, годится ли земля для жилья. На присмотренном месте оставляли на ночь горшок с зерном или клочок шерсти — если наутро они оставались сухими и нетронутыми, место считалось благоприятным. Нельзя было строить на перекрёстке дорог, на месте бывшего пожара, на тропе, по которой ходили дикие звери. Земля должна была «принять» будущий дом — и че-

ловек терпеливо ждал её согласия.

Прежде чем положить первый венец сруба, в основание дома клали подношение — монету, зерно, шерсть, иногда кусочек хлеба. Это было не «жертвоприношение» в мрачном смысле, а благодарность земле за то, что она позволяет на ней жить. Знак уважения. Договор между человеком и местом.

Устройство избы

Изба на Руси — один из самых совершенных типов народного жилища в мире. Она была приспособлена к суровому климату, экономична в постройке и обогреве, удобна для жизни большой семьи.

Основу избы составлял сруб — конструкция из горизонтально уложенных брёвен, соединённых в углах специальными врубками. Эта технология позволяла строить прочные, тёплые стены без единого гвоздя. Между брёвнами прокладывали мох или паклю для утепления. Стены получались настолько плотными, что выдерживали самые лютые морозы.

Крышу крыли соломой, дранкой или тёсом. На коньке крыши нередко вырезали голову коня или птицы — это был не просто украшательский элемент, а оберег, охраняющий дом сверху, со стороны неба.

Сердцем избы была **печь**. Она занимала значительную часть внутреннего пространства и выполняла множество функций: обогревала дом, служила для приготовления пи-

щи, использовалась как лежанка для сна в холодное время, а в некоторых случаях — даже как баня. Печь была настолько важна, что само слово «изба» происходит, по одной из версий, от древнего «истба» — «отапливаемое помещение».

Печь делила избу на части, каждая из которых имела своё назначение. **Красный угол** — самое почётное место, расположенное по диагонали от печи, у окна. Здесь принимали гостей, здесь сидел глава семьи, здесь позднее стали размещать иконы, а до крещения, по всей видимости, стояли изображения родовых покровителей. **Бабий кут** — женская часть избы, где хозяйка готовила еду и занималась рукоделием. **Мужской угол** — место, где хранились инструменты и оружие.

Окна в избах были небольшими — ради сохранения тепла. Их закрывали бычьим пузырьём или слюдой, а позднее — стеклом. Но даже маленькие окна украшались с удивительной любовью. Резные наличники — настоящие произведения искусства, покрывавшие оконные проёмы, — были не только украшением. Каждый элемент резьбы имел обережный смысл: солнечные знаки защищали от тёмных сил, растительные узоры — призывали плодородие, птицы — охраняли дом с небес.

Изба была тёплой зимой и прохладной летом. Она дышала — дерево пропускало воздух, создавая естественную вентиляцию. В ней не было сырости и затхлости, если за ней ухаживали должным образом. По своим климатическим свой-

ствам хорошо срубленная изба превосходила многие современные жилища.

Подворье

Дом не существовал сам по себе. Он был центром целого хозяйственного мира — подворья, включавшего множество построек, каждая из которых имела своё назначение.

Баня стояла особняком — как правило, ближе к воде. Она была не просто местом для мытья, а пространством очищения и перехода. В бане рожали детей — считалось, что влажное тепло облегчает роды и защищает мать и младенца. В бане лечили больных — жар, пар и целебные травы составляли основу народной медицины. В баню приходили перед важными событиями — свадьбой, дальней дорогой, после похорон — чтобы очиститься и обновиться.

Амбар служил для хранения зерна и припасов. Его строили на возвышении, часто на столбах, чтобы защитить содержимое от сырости и грызунов. Амбар запирался — не от соседей, а от зверей. Внутри общины воровство было практически неизвестным явлением: в обществе, где все знают друг друга и где репутация дороже золота, красть было немыслимо.

Хлев — помещение для скота. Животные в крестьянском хозяйстве были не просто источником пищи — к ним относились с заботой и уважением. Корова-кормилица занимала особое место: без неё семья не могла прожить зиму. Поэтому

хлеб строили добротно, утепляли, а в самые сильные морозы скотину могли забрать в избу.

Клеть — холодная постройка для хранения имущества, а в тёплое время — для сна. Летом, когда изба нагревалась от печи, семья перебиралась спать в клеть, где было прохладно и свежо.

Погреб — подземное или полуподземное хранилище для продуктов, требующих холода: молока, масла, солений, квашеной капусты. Естественный холодильник, работавший без электричества тысячи лет.

Всё подворье было организовано продуманно и рационально. Каждая постройка стояла на своём месте, каждая дорожка была протоптана с умом. Это был не хаотичный набор строений, а **единый живой организм**, в котором всё было связано со всем.

Что ели

Стол наших предков был проще, чем современный, но при этом здоровее и разнообразнее, чем принято думать.

Основу питания составляли **злаки**: рожь, пшеница, ячмень, овёс, просо, гречиха. Из них готовили каши — главную повседневную пищу. Каша была настолько важна, что само слово стало синонимом еды вообще: «щи да каша — пища наша». Из злаков же пекли хлеб — ржаной, тяжёлый, ароматный. Хлеб почитался как святыня: бросить его или наступить на него было тяжким грехом.

Овощи составляли важную часть рациона: репа, редька, капуста, лук, чеснок, свёкла, морковь, горох, бобы. Репа до появления картофеля была «вторым хлебом» — её парили, варили, жарили, пекли, ели сырой. Капусту квасили на зиму — этот способ сохранения витаминов в холодное время года был известен задолго до того, как наука объяснила его пользу.

Грибы и ягоды — щедрый дар леса. Их собирали в огромных количествах, сушили, солили, мочили. Грибы были важнейшим источником белка, особенно в постные периоды. Ягоды — клюква, брусника, черника, малина, земляника — шли на кисели, взвары, начинки для пирогов.

Мёд заменял сахар. Бортничество — собирание мёда диких пчёл — было одним из древнейших промыслов. Позже научились держать пчёл в колодах и ульях. Мёд использовали не только как лакомство, но и как лекарство, и как основу для приготовления напитков.

Молочные продукты — молоко, творог, сметана, масло — были важной частью рациона в тех хозяйствах, где держали скот. Их умели сохранять: масло топили, творог прессовали и сушили, из молока делали простоквашу.

Мясо и рыба дополняли стол. Охота давала дичь — зайцев, оленей, кабанов, птицу. Реки и озёра изобиловали рыбой — её ловили сетями, удой, вершами, острогой. Рыбу солили, вялили, коптили, сушили — каждый способ заготовки был отточен поколениями.

Пища была простой, но питательной и разнообразной. Она менялась в зависимости от времени года: весной и летом — свежая зелень, ягоды, молоко; осенью — урожай с огорода и из леса; зимой — запасы, заготовленные впрок. Человек жил в ритме природы, и его стол отражал этот ритм.

Одежда

Одежда наших предков была не просто защитой от холода. Она была знаковой системой — по одежде можно было определить, откуда человек родом, каков его возраст и семейное положение, к какому роду он принадлежит.

Одежда древних русов никогда не являлась просто утилитарной вещью или данью внешней моде. Основой уклада и для мужчины, и для женщины служила домотканая рубаха — просторная, вобравшая в себя силу льна и благословение родной земли. Предки воспринимали одеяние как священный рубеж, отделяющий сокровенный мир человека от внешнего пространства. Именно поэтому все края ткани — ворот, охватывающий шею, запястья рукавов и подол у самой земли — покрывались вышитыми знаками. Это не было праздным рукоделием: сакральный узор очерчивал невидимую границу, закрывая уязвимые места от чуждого и недоброго взгляда. А путеводная багряная нить, повторявшая цвет утренней зари и живого огня, хранила родовую силу и связывала человека с мудростью предков.

Женщины носили **понёву** — юбку из шерстяной ткани,

часто клетчатой или полосатой. Цвет и узор понёвы указывали на принадлежность к определённой местности. Замужние женщины покрывали голову — **повоем** или **кикой**. Волосы замужней женщины считались средоточием её силы, и показывать их чужим было не принято. Отсюда выражение «опростоволоситься» — оказаться с непокрытыми волосами, то есть в уязвимом, незащищённом состоянии.

Мужчины носили **порты** — штаны из полотна или шерсти, подвязанные на поясе. Поверх рубахи надевали **свиту** — верхнюю одежду, подпоясанную кушаком. Зимой носили **кожухи** — шубы из овчины мехом внутрь, а также тёплые шапки и рукавицы.

Пояс имел особое значение. Ходить без пояса считалось неприличным и даже опасным — пояс символически отделял «верх» (духовное) от «низа» (телесного) и защищал человека. Отсюда слово «распоясаться» — утратить сдержанность, потерять контроль над собой.

Обувь делалась из кожи, лыка или бересты. Знаменитые лапти — плетёная обувь из лыка — были лёгкими, удобными и дешёвыми в изготовлении. Кожаные сапоги носили более состоятельные люди. Зимой надевали валенки — обувь из катаной шерсти, которая превосходно сохраняла тепло.

Вся одежда изготавливалась вручную — от выращивания льна и стрижки овец до прядения, ткачества и шитья. Каждая рубаха, каждый пояс, каждая пара лаптей были результатом долгого, умелого труда. И каждая вещь служила дол-

го — к одежде относились бережно, чинили, передавали по наследству.

Мастерство

Наши предки владели десятками ремёсел, каждое из которых требовало многолетнего обучения и передавалось из поколения в поколение.

Кузнечное дело считалось самым почётным и самым загадочным из ремёсел. Кузнец работал с огнём и металлом — стихиями, наиболее близкими к божественным силам. Он ковал оружие, орудия труда, предметы быта, украшения. Хороший кузнец ценился на вес золота — без него община не могла ни работать, ни защищаться. Не случайно бог-кузнец Сварог стоял среди высших божеств: кузнечное ремесло воспринималось как продолжение его небесного труда.

Гончарное дело — изготовление посуды из глины. Гончар лепил горшки, миски, кувшины, корчаги для хранения продуктов. Глиняная посуда расписывалась, покрывалась узорами, каждый из которых имел значение. Гончарный круг, появившийся на Руси в древности, значительно ускорил и усовершенствовал производство — посуда стала ровнее, изящнее, разнообразнее по форме.

Ткачество было преимущественно женским ремеслом. Женщины выращивали лён, обрабатывали его (мяли, трепали, чесали), пряли нить на веретене или прялке, а затем ткали полотно на домашнем ткацком станке. Это был дол-

гий, трудоёмкий процесс, требовавший терпения и мастерства. Хорошая ткачиха ценилась в общине наравне с хорошим кузнецом.

Плотницкое дело — строительство из дерева. Славянские плотники достигли невероятного мастерства. Они возводили избы, мосты, крепостные стены, церкви — и всё это зачастую без единого гвоздя, используя только топор. Знаменитые деревянные церкви Русского Севера, дожившие до наших дней, свидетельствуют о том, какого совершенства достигло плотницкое искусство. Топор был главным инструментом русского плотника — настолько универсальным, что породил поговорку: «Топор всему голова».

Бондарное дело — изготовление бочек, кадок, ушатов, вёдер и другой деревянной посуды. Бондарь должен был знать свойства разных пород дерева, уметь подогнать клёпки так, чтобы ёмкость не протекала, и стянуть их обручами с точным расчётом.

Кожевенное ремесло обеспечивало общину обувью, ремнями, сумками, сёдлами, упряжью. Выделка кожи — процесс длительный и сложный, требующий знания множества приёмов: вымачивания, дубления, жирования, окрашивания.

Резьба по дереву — одно из самых распространённых и самых красивых ремёсел. Резчики украшали наличники окон, коньки крыш, ворота, мебель, посуду, игрушки. В руках мастера простой кусок дерева превращался в произведе-

ние искусства, наполненное символическим смыслом.

Ювелирное дело достигало поразительного уровня. Славянские мастера владели техниками литья,ковки, чеканки, зерни, скани и эмали. Украшения — височные кольца, гривны, браслеты, фибулы, подвески — были не просто предметами красоты. Они несли обережную функцию и одновременно указывали на принадлежность к определённой племени или роду. По височным кольцам, например, археологи различают племена вятичей, кривичей, радимичей и других — у каждого была своя, узнаваемая форма.

Общий труд

Ремёсла существовали не в изоляции. Они были частью общего уклада жизни, в котором труд воспринимался не как проклятие или необходимость, а как естественное состояние человека.

В общине каждый владел основными навыками: мужчина мог срубить дом, сделать борону, наточить косу. Женщина умела прясть, ткать, шить, готовить, лечить травами. Но при этом существовала и специализация: кузнец ковал для всей общины, гончар делал посуду для всех, плотник строил дома тем, кому это было нужно.

Эта специализация не создавала неравенства. Кузнец не был «выше» пахаря, а гончар — «ниже» ткачихи. Каждый труд был необходим, каждый мастер уважаем. Община нуждалась во всех — и все нуждались в общине.

Большие работы выполнялись сообща. Мы уже упоминали «помочи» — обычай коллективной помощи. Когда нужно было поставить дом, поднять сруб, убрать урожай до дождей, перекрыть крышу — собирались всем миром. Хозяйка готовила угощение, хозяин обеспечивал материалы, а соседи работали — дружно, весело, с песнями. К вечеру дело было сделано, и все садились за общий стол.

Этот обычай сохранялся в русских деревнях вплоть до XX века. Он не нуждался ни в государственных программах, ни в корпоративных стимулах. Он существовал потому, что люди понимали: жить можно только вместе.

Торговля и обмен

С ростом ремесленного производства развивалась и торговля. Уже в глубокой древности славянские племена торговали друг с другом и с соседними народами.

Торговые пути проходили по рекам — главным дорогам Древней Руси. Знаменитый путь «из варяг в греки» связывал Балтийское море с Чёрным, проходя через Новгород и Киев. По Волге шли товары на восток — в Булгарию, Хазарию, Персию, арабские страны.

Славяне торговали мехами, мёдом, воском, льном, пенькой, рыбой. Взамен получали металлы, ткани, пряности, украшения. Арабские путешественники, оставившие описания славянских земель, отмечали обилие товаров и развитость торговли.

Важно понимать, что торговля в древней общине не была самоцелью. Она служила дополнением к натуральному хозяйству — способом получить то, чего не могла произвести сама община. Идея обогащения ради обогащения, накопления ради накопления была чужда общинному мировоззрению. Богатство имело ценность лишь постольку, поскольку служило благу рода.

Мастерство как наследство

Ремесленные знания передавались от отца к сыну, от матери к дочери, от мастера к ученику. Это была живая цепь преемственности, в которой каждое поколение добавляло к полученному опыту свои находки и усовершенствования.

Обучение начиналось рано. Мальчик с пяти-шести лет помогал отцу в мастерской — сначала просто наблюдая, потом выполняя простейшие операции, постепенно осваивая всё более сложные приёмы. Девочка так же рано начинала учиться у матери — прясть, ткать, вышивать, готовить. К четырнадцати-пятнадцати годам подросток уже владел основами ремесла и мог работать самостоятельно.

Мастерство не было «профессией» в современном понимании. Оно было частью личности, частью рода. Семья кузнецов несла в себе поколения кузнечного знания. Род гончаров хранил секреты глины и обжига, накопленные предками. Это знание было живым — оно дышало, менялось, совершенствовалось, но никогда не прерывалось.

Утрата ремесленных знаний, произошедшая в последующие века — с приходом фабричного производства, с разрушением деревенского уклада, с массовым переселением в города, — стала одной из самых тяжёлых культурных потерь. Вместе с ремёслами ушли не просто «навыки». Ушёл целый пласт мировоззрения, в котором труд был не наказанием и не средством заработка, а формой существования — осмысленной, творческой, достойной уважения.

Красота повседневности

Один из самых поразительных аспектов жизни наших предков — их стремление к красоте в повседневных вещах. Даже самые утилитарные предметы — ложки, ковши, прялки, сундуки, грабли — изготавливались с заботой о внешнем виде. Их украшали резьбой, росписью, инкрустацией.

Это не было «роскошью» — крестьянин не мог позволить себе роскошь. Это было выражением внутренней потребности в гармонии. Человек, живущий в мире, где каждый лес, каждая река, каждый камень наполнены смыслом, не мог смириться с безобразием даже в мелочах. Красота была не «надстройкой» над жизнью, а её неотъемлемой частью.

Резной наличник на окне, расписная прялка, вышитый рушник, узорчатый пояс — всё это создавалось руками людей, которые работали от зари до зари и не имели ни минуты «свободного времени» в нашем понимании. И тем не менее они находили силы и желание делать свой мир красивым.

Потому что красота для них была не развлечением, а способом жить — жить по-человечески, достойно, в ладу с собой и с миром.

Повседневная жизнь наших предков была наполнена трудом, но этот труд не был безрадостным бременем. Он был осмысленным, творческим, общим. Он создавал не только материальные блага, но и связи между людьми, между поколениями, между человеком и землёй. И именно из этой повседневной, будничной красоты вырастало то, что делало народ народом, — общая культура, общие ценности, общая судьба.

В следующей главе мы увидим, как эта культура сопровождала человека на протяжении всей его жизни — от первого крика новорождённого до последнего прощания с уходящим.

Глава 6. Круг жизни

I

Жизнь человека — это круг. Не линия, уходящая в пустоту. Не отрезок между двумя случайными точками. А круг — замкнутый, осмысленный, живой. Рождение. Детство. Юность. Зрелость. Старость. Уход. И снова — рождение. Уже не твоё, а твоих детей, внуков, правнуков. Тех, в ком продолжится твоя кровь, твоя память, твоя жизнь.

Наши предки понимали это так ясно, как мы сегодня понимаем, что после зимы приходит весна. Для них жизнь человека была частью великого природного круга — такого же неостановимого, как смена времён года, как восход и закат солнца, как прилив и отлив воды. Человек рождался, как зерно прорастает из земли. Рос, как колос тянется к солнцу. Зрел, как плод наливается соком. Старел, как дерево роняет листья. Уходил, как река уходит в море. И возвращался — в детях, во внуках, в памяти рода.

Этот круг не был случайным набором событий. Каждый его поворот — рождение, взросление, свадьба, старость, смерть — был отмечен обрядом. Каждый переход из одного состояния в другое сопровождался ритуалом, песней, словом, действием, которое говорило человеку: ты не один. Ты

— часть рода. Ты — часть мира. Твоя жизнь имеет смысл. И каждый шаг на твоём пути — значим.

Современный человек часто не

Наши предки жили иначе. Для них каждый поворот круга жизни был священным. Потому что в каждом повороте присутствовало нечто большее, чем просто биология. В каждом присутствовал смысл.

II

Всё начиналось с рождения. И рождение было не просто появлением нового существа на свет. Это было событие, в котором участвовали все — род, природа, небо, предки.

Рождение.

Когда ребёнок появлялся на свет, это было радостью для всего рода. Не потому, что родился «наследник» или «работник». А потому, что род продолжился. Цепь не оборвалась. Предки не были забыты. Жизнь — победила.

Новорождённого принимали в род через обряд. Ему давали имя — и это имя было не случайным набором звуков. Имя несло в себе смысл. Пожелание. Судьбу. Защиту. Иногда ребёнка называли в честь предка — чтобы через имя протянулась нить памяти, соединяющая поколения. Иногда давали имя, связанное с природой, с качеством, которое хотели видеть в ребёнке: Светлана — светлая, Владимир — владеющий миром, Любава — любимая, Ярослав — яркая слава.

Имя было не просто словом. Оно было первым даром, который род давал новому человеку. Даром, который он носил всю жизнь. И по имени можно было понять: откуда ты, из какого рода, какие надежды на тебя возложены.

III

Детство в древней Руси было не таким, как мы представляем его сегодня. Не было ни игрушечных магазинов, ни детских площадок с пластиковыми горками, ни мультфильмов, ни планшетов. Но это не значит, что детство было бедным. Оно было — другим. Богатым по-своему. Богатым тем, чего сегодняшние дети лишены.

Ребёнок рос не в изоляции, не в отдельной «детской комнате», отгороженной от мира взрослых. Он рос внутри жизни. Среди людей, среди труда, среди природы. С самых ранних лет он видел, как работают взрослые. Как отец строит, чинит, охотится. Как мать готовит, шьёт, ткёт. Как бабушка прядёт и рассказывает сказки. Как дедушка мастерит и учит внуков обращаться с инструментом.

И он не просто смотрел. Он участвовал. Помогал матери по дому. Бегал с отцом в поле. Пас скотину. Собирал ягоды и грибы. Учился — не из учебника, а из жизни. Каждый день. Каждый час. Руками, глазами, всем телом.

Это было не «эксплуатацией детского труда». Это было воспитанием. Самым естественным и самым эффективным из всех возможных. Ребёнок, который с малых лет участву-

ет в общем деле, вырастает другим человеком, чем ребёнок, который сидит перед экраном. Он знает цену труда. Он умеет работать руками. Он понимает, откуда берётся хлеб, молоко, тепло, одежда. Он не считает всё это «само собой разумеющимся». Он знает: за всем стоит труд. Чей-то пот. Чьи-то руки.

А вечером, когда работа заканчивалась и семья собиралась у огня, ребёнок слушал. Слушал сказки, которые рассказывала бабушка. Слушал песни, которые пела мать. Слушал истории, которые рассказывал дед — о предках, о героях, о давних временах. И эти сказки, песни, истории входили в него — как семена входят в землю. И прорастали потом — совестью, памятью, характером, душой.

IV

Наступал момент, когда ребёнок переставал быть ребёнком. Переход из детства во взрослую жизнь — один из самых важных поворотов круга. И наши предки отмечали его с особой серьёзностью.

Для мальчика это был обряд инициации. Не формальный праздник с тортом и подарками. А настоящее испытание. Мальчик должен был доказать, что он готов стать мужчиной. Что он способен выдержать трудности. Что он может охотиться, защищать, работать, принимать решения. Что он — не ребёнок, которого нужно опекать, а мужчина, на которого можно положиться.

Испытания были разными — в зависимости от племени, от местности, от обычая. Но суть была одна: мальчик уходил из мира детства и входил в мир взрослых. Это был не плавный, незаметный переход. Это был рубеж. Черта, которую переступаешь — и назад дороги нет. Вчера ты был ребёнком. Сегодня ты — мужчина. И с этого дня ты несёшь ответственность. За себя. За свою семью. За свой род.

Для девочки переход был иным, но не менее значимым. Девочка становилась девушкой — готовой к замужеству, к материнству, к ведению дома. Она проходила свой обряд — связанный не с силой и охотой, а с мудростью, с умением, с тайнами женского мира. Старшие женщины рода передавали ей знания, которые передавались из поколения в поколение: как вести дом, как готовить, как шить, как ухаживать за детьми, как обращаться с травами, как хранить огонь — и в прямом, и в переносном смысле.

Этот переход был важен не только для самого юноши или девушки. Он был важен для всего рода. Потому что каждый новый взрослый — это новая сила рода. Новые руки. Новый ум. Новое сердце. И род принимал нового взрослого — торжественно, с уважением, как равного.

V

Потом приходила любовь. И за ней — свадьба.

Свадьба в древней Руси была не просто праздником. Это

было событие космического масштаба — в восприятии наших предков. Потому что в свадьбе соединялись два рода. Две линии крови. Две линии памяти. Две линии судьбы. И из этого соединения рождалось новое — новая семья, новый дом, новая ветвь великого дерева жизни.

Свадебный обряд длился не один день. Он мог длиться неделю — с песнями, играми, ритуалами, символами, каждый из которых имел глубокий смысл.

Невесту провожали из родительского дома с плачем — не от горя, а от осознания важности момента. Она уходила из одного рода в другой. Покидала отчий дом. Становилась частью новой семьи. Это было и радостно, и торжественно, и немного печально — как всякий великий переход.

Жених приезжал за невестой — и должен был доказать, что достоин её. Не деньгами и не подарками — а готовностью, силой, умением. Он показывал: я могу защитить. Я могу прокормить. Я могу быть мужем.

Молодых благословляли старшие. Не священник — старейшины рода, родители, деды и бабки. Их слово было весомее любого документа. Их благословение — сильнее любой печати. Потому что за ним стояли не чернила и бумага, а живые люди, живая память и живая ответственность.

После свадьбы молодая семья становилась новой единицей рода. Не отдельной, не оторванной — а вплетённой в общую ткань. Молодой муж получал участок земли для обработки. Молодая жена входила в круг женщин рода. И начи-

налась новая жизнь — совместная, общая, подчинённая великому закону продолжения.

VI

Зрелость — время полной силы. Время, когда человек становится тем, кем он должен быть. Мужчина — кормильцем, защитником, строителем, хозяином. Женщина — матерью, хранительницей, берегиней, душой дома.

В зрелости человек нёс на себе главную тяжесть жизни рода. Он работал. Он растил детей. Он строил и чинил. Он охотился и пахал. Он принимал решения на общих собраниях. Он защищал свою землю, когда приходила угроза. Он хоронил стариков и встречал новорождённых. Он был — стержнем. Осью, вокруг которой вращалась жизнь.

И женщина рядом с ним была не тенью, не прислугой, не украшением. Она была второй осью. Без неё мир не держался. Она рожала детей — и это было не «женское дело», а дело жизни и смерти рода. Она вела дом — и это было не «домашняя работа», а управление маленьким государством, от которого зависело, будут ли сыты дети, будет ли тепло зимой, будет ли порядок в доме. Она знала травы и лечила больных. Она пела песни и хранила обряды. Она воспитывала — не нравоучениями, а примером. Каждым своим движением, каждым словом, каждым взглядом.

Зрелость была временем труда. Тяжёлого, ежедневного, неостановимого. Но этот труд не был бессмысленным. Чело-

век знал, ради чего он трудится. Ради семьи. Ради детей. Ради рода. Ради земли, которая кормит. Ради будущего, которое он строит своими руками.

В этом — коренное отличие от сегодняшнего дня. Современный человек часто не знает, ради чего работает. Ради зарплаты? Ради карьеры? Ради потребления? Ради того, чтобы купить то, что рекламируют? Труд потерял смысл — и вместе с ним потерял достоинство. Наши предки не знали этой потери. Для них труд был — жизнью. А жизнь — трудом. И одно без другого не существовало.

VII

Но круг продолжался. Дети вырастали. Силы убывали. И наступала старость.

Старость в древней Руси не была проклятием. Не была обузой. Не была тем, чего бояться и от чего прячутся. Старость была — мудростью. Вершиной. Временем, когда человек, прошедший весь круг, становился носителем того, что невозможно получить никаким другим путём: опыта прожитой жизни.

Старик в роду — не «пенсионер». Не «бывший работник». Не «статья расходов». Старик — это живая библиотека. Хранилище памяти. Человек, который помнит то, чего не помнит никто другой. Который видел то, чего не видел никто другой. Который знает то, чему не научит ни одна книга — потому что книг ещё не было, и всё знание хранилось в

живых людях.

Старейшина — от слова «старый» — это не просто «пожилой человек у власти». Это мудрец. Тот, кто прошёл весь путь — от рождения до седины — и вынес из этого пути понимание, которое недоступно молодому. Не потому, что молодой глуп. А потому, что есть вещи, которые можно понять, только прожив.

К старикам приходили за советом. Не по обязанности — по потребности. Потому что их совет был ценен. Потому что они уже видели то, что молодые видят впервые. Потому что они уже ошибались — и знали цену ошибок. Потому что за их словами стояла не теория, а жизнь.

И старики не были одиноки. Они жили среди своих — среди детей, внуков, правнуков. Они были окружены заботой — не казённой, не формальной, а родной. Их кормили, одевали, согревали. Им уступали лучшее место у огня. Их слушали. Их уважали. Их любили.

Потому что род помнил: эти люди когда-то несли на себе всю тяжесть жизни. Они работали, растили, строили, защищали. Они отдали роду всё, что имели. И теперь род отдаёт им долг — не из жалости, а из благодарности. Из чувства справедливости. Из понимания простой истины: так будет и со мной. Я тоже состарюсь. И я тоже буду нуждаться в заботе. И мой род позаботится обо мне — так же, как я забочусь о своих стариках.

Вот почему отношение к старикам — лучший показатель

здоровья общества. Общество, которое выбрасывает своих стариков на обочину, — больное общество. Общество, которое чтит их, — здоровое. Наши предки были здоровы.

VIII

И наконец — уход. Смерть. Последний поворот круга.

Для современного человека смерть — это конец. Точка. Пустота. То, о чём стараются не думать, не говорить, не вспоминать. Смерть в современном мире — табу. Её прячут в больницах и моргах. Её закрывают эвфемизмами: «ушёл из жизни», «покинул нас», «его больше нет». Как будто если не произнести слово — оно перестанет существовать.

Наши предки относились к смерти иначе. Не потому, что не боялись. Боялись. Человек всегда боится смерти — это в его природе. Но они понимали её по-другому. Для них смерть была не концом, а переходом. Не точкой, а поворотом. Человек уходил из Яви — из видимого мира — в Навь, в мир предков. Не в пустоту. Не в ничто. А к тем, кто ушёл раньше. К своим дедам и прадедам. К тем, кто ждёт.

Похоронный обряд был не просто прощанием. Это было провожание — торжественное, серьёзное, полное символов и смыслов. Умершего одевали в лучшую одежду. Клали рядом с ним вещи, которые могли понадобиться в дороге — в той, другой жизни. Разжигали огонь. Пели погребальные песни — не весёлые и не мрачные, а глубокие, как сама жизнь. Песни, в которых звучала и печаль расставания,

и благодарность за прожитое, и вера в то, что связь не оборвана.

Потому что связь действительно не обрывалась. Предки не исчезали. Они продолжали жить — в памяти рода. В обрядах поминовения. В именах, которые передавались от деда к внуку. В песнях, которые пели у огня. В чувстве, которое знает каждый человек, хоть раз терявший близкого: ушедший — рядом. Невидимый, но рядом. Его нет — но он есть. В памяти. В крови. В сердце.

И когда у живых возникали трудности, они обращались к предкам. Не как к богам — как к старшим. Просили совета. Просили защиты. Просили помощи. И верили, что предки слышат. Что они — не безразличны. Что род — един. И смерть — не стена, а тонкая завеса, по ту сторону которой стоят те, кто любил тебя при жизни и продолжает любить после неё.

IX

Вот он — круг жизни наших предков. От рождения до ухода. От первого крика до последнего вздоха. И — дальше. Потому что круг не заканчивается смертью. Он продолжается — в детях, во внуках, в памяти, в крови, в имени, в песне.

Каждый поворот этого круга был отмечен. Каждый — осмыслен. Каждый — освящён обрядом и традицией. Рождение — радость рода. Детство — время ученичества. Юность — время испытания. Свадьба — соединение двух ветвей.

Зрелость — время труда и ответственности. Старость — время мудрости. Смерть — переход, а не конец.

Во всём этом была целостность. Жизнь не распадалась на случайные куски. Она была — путём. Осмысленным, связным, принадлежащим не только тебе, но и всему роду. Ты рождался не сам по себе — тебя рожал род. Ты рос не в пустоте — тебя растил род. Ты женился не ради себя — ты продолжал род. Ты старел не в одиночестве — род хранил тебя. Ты уходил не в никуда — ты уходил к предкам, которые ждали.

Современный мир разрушил эту целостность. Он разорвал круг. Рождение стало медицинской процедурой. Детство — временем потребления. Юность — временем растерянности. Свадьба — формальностью. Зрелость — гонкой за деньгами. Старость — одиночеством. Смерть — пустотой.

И человек потерялся. Потерял нить. Потерял смысл. Потерял ощущение, что его жизнь — часть чего-то большего, чем он сам.

Новая Русь должна вернуть эту целостность. Не через буквальное возвращение древних обрядов — время изменилось, и мы живём в другом мире. Но через возвращение смысла. Через понимание того, что жизнь человека — не случайность, а путь. Что каждый возраст имеет свою ценность. Что рождение — чудо. Что детство — время формирования души. Что юность — время испытания характера. Что зрелость — время служения. Что старость — время муд-

рости. И что даже смерть — не бессмыслица, если после тебя остаются дети, память и продолжение.

Х

Дмитрий Сергеевич Лихачёв говорил: «Если человек не любит хотя бы изредка смотреть на старые фотографии своих родителей, не ценит память о них, оставленную в саду, который они возделывали, в вещах, которые им принадлежали, — значит, он не любит их. Если человек не любит старые улицы, старые дома, пусть даже и плохонькие, — значит, у него нет любви к своему городу. Если человек равнодушен к памятникам истории своей страны — он, как правило, равнодушен и к своей стране».

Эти слова — о памяти. О том самом круге жизни, который соединяет нас с теми, кто был до нас. С нашими родителями, дедами, прадедами. С теми, кто строил дом, в котором мы выросли. Кто сажал дерево, под которым мы играли. Кто пел песню, которую мы помним.

Круг жизни — это не только биология. Это — память. Это — связь. Это — нить, протянутая через поколения. И если эту нить оборвать — человек остаётся один. Без корней. Без прошлого. Без будущего. Песчинка в пустыне, которую ветер несёт неизвестно куда.

Наши предки держали эту нить крепко. И передавали её из рук в руки — от матери к дочери, от отца к сыну, от де-

да к внуку. Всю жизнь. Весь круг. От рождения до ухода. И дальше — за порог смерти, в память тех, кто останется.

Новая Русь должна вернуть народу эту нить. Вернуть ощущение, что жизнь — не бессмысленный бег от рождения к смерти. А путь. Круг. Священный, осмысленный, живой круг, в котором каждый шаг имеет значение. В котором ты — не один. В котором до тебя были те, кто тебя любил. И после тебя будут те, кого ты любишь. И нить, соединяющая вас, — не оборвётся. Если ты сам её не оборвёшь.

Глава 7. Круг года: праздники и природный календарь

«Что посеешь, то и пожнёшь». Русская пословица

Жизнь по солнцу

Современный человек живёт по часам и календарям, придуманным в кабинетах. Его год разделён на рабочие дни и выходные, на отпуска и праздники, назначенные государством. Связь между ритмом его жизни и ритмом природы почти полностью разорвана. Горожанин может не заметить ни весеннего равноденствия, ни летнего солнцестояния. Для него это просто ещё один день в бесконечной череде одинаковых будней.

Наши предки жили иначе. Их календарь был не бумажным, а живым. Он был написан движением солнца по небосводу, сменой времён года, поведением птиц и зверей, цветением трав и созревaniem плодов. Человек не стоял в стороне от природы, наблюдая за ней из окна. Он был её частью — и его жизнь подчинялась тем же законам, что и жизнь леса, реки, поля.

Год делился на четыре ключевые точки, определяемые движением солнца: зимнее солнцестояние, весеннее равноденствие, летнее солнцестояние и осеннее равноденствие. Каждая из этих точек отмечалась большим праздником.

Между ними располагались праздники поменьше — привязанные к земледельческому циклу, к важным моментам хозяйственной жизни, к памяти предков.

Всё вместе это составляло годовой круг — **Коло** — непрерывное вращение, в котором каждый день имел своё место и свой смысл.

Зима: время тьмы и надежды

Коляда (зимнее солнцестояние)

Самая длинная ночь в году приходилась на конец декабря. Старое солнце угасало, мир погружался в глубочайшую тьму. И именно в этот момент, на самом дне зимы, рождалось новое солнце — молодое, слабое, но полное обещания будущего света и тепла.

Коляда была праздником этого рождения. Праздником надежды, звучащей в самой тёмной ночи: свет не исчез, он вернётся. Зима не вечна. Жизнь сильнее тьмы.

Празднование начиналось с вечера накануне солнцестояния. В домах гасили старый огонь и разжигали новый — символ обновления. Зажигали большое полено — **бадняк**, которое должно было гореть всю ночь, помогая новому солнцу набрать силу.

По дворам ходили **колядовщики** — ряженые, одетые в вывернутые шубы, маски зверей и птиц. Они пели обрядовые песни — **колядки**, в которых славили хозяев дома, желали им здоровья, богатства, хорошего урожая. Хозяйева ода-

ривали колядовщиков угощением — пирогами, салом, сладостями. Отказать колядовщикам считалось дурным знаком: это значило отвергнуть благословение нового солнца.

Ряжение имело глубокий смысл. Вывернутая шуба, маска, изменённый голос — всё это превращало человека в существо из иного мира. В ночь солнцестояния, когда границы между мирами истончались, ряженные были посредниками между Явью и Навью, между живыми и предками. Через них говорил иной мир — и его голосу следовало внять.

На праздничный стол готовили обрядовую еду. Обязательным блюдом была **кутья** — каша из зёрен пшеницы или ячменя с мёдом и маком. Зерно символизировало возрождение жизни: так же, как зерно, брошенное в землю, умирает, чтобы дать новый росток, — так и солнце умирает, чтобы родиться заново.

Святки

За Колядой следовали **Святки** — двенадцать дней от солнцестояния до начала января, время между старым и новым годом. Святки считались периодом безвременья, когда старый порядок уже умер, а новый ещё не утвердился. В это время мир был открыт, текуч, подвижен.

На Святках **гадали**. Девушки пытались узнать, каким будет будущий муж, каким — грядущий год. Гадания совершались самыми разными способами: лили воск в воду и разгадывали фигуры, слушали тишину на перекрёстке дорог, ста-

вили зеркало против зеркала, выходили в полночь к проруби.

Гадание было не «развлечением» — оно отражало веру в то, что в момент перехода, на рубеже старого и нового, можно заглянуть за край обыденного и увидеть скрытое. Мир приоткрывал свои тайны тем, кто умел слушать.

Святки были также временем **ряженных**, игр, розыгрышей, шуток. Молодёжь ходила по дворам, устраивала представления, разыгрывала сценки. В этом тоже был смысл: смех и веселье помогали прогнать тьму, поддержать молодое солнце, дать ему силу расти.

Весна: пробуждение

Масленица (проводы зимы)

Масленица — один из самых ярких и жизнерадостных праздников народного календаря. Она приходилась на рубеж зимы и весны, на неделю перед весенним равноденствием, и была прощанием с холодом и встречей тепла.

Масленичная неделя была праздником всей общины. Каждый день имел своё название и свои обычаи. Понедельник — **встреча**: строили снежные городки, ставили чучело Масленицы, начинали печь блины. Вторник — **заигрыши**: молодёжь каталась с горок, парни присматривали себе невест. Среда — **лакомка**: зять приходил к тёще на блины. Четверг — **разгуляй**: кулачные бои, катание на лошадях, взятие снежного городка. Пятница — **тёщины вечёрки**: те-

перь уже тёща приходила к зятю. Суббота — **золовкины посиделки**: невестка приглашала сестёр мужа. Воскресенье — **прощёный день**: сжигали чучело Масленицы и просили друг у друга прощения за обиды.

Блины — главный символ Масленицы — были не просто вкусной едой. Круглый, золотистый, горячий блин — это маленькое солнце на тарелке. Выпекая блины, хозяйка символически помогала солнцу набрать силу, приблизить весну.

Сжигание чучела было кульминацией праздника. Чучело Масленицы, наряженное в старую женскую одежду, устанавливали на площади, водили вокруг него хороводы, пели песни — а затем поджигали. Огонь пожирал зиму, холод, тьму. Пепел развеивали по полям — чтобы земля впитала его и дала хороший урожай. Смерть зимы становилась пищей для будущего плодородия.

Масленица была праздником единения. За общим столом, за общими играми, за общим весельем люди чувствовали себя одной семьёй. И даже прощение, которое просили друг у друга в последний день, было не формальностью, а настоящим очищением — возможностью оставить обиды в прошлом и войти в новый сезон с чистым сердцем.

Жаворонки (день весеннего равноденствия)

На весеннее равноденствие, когда день становился равен ночи и свет начинал побеждать тьму, отмечался праздник, связанный с прилётом птиц и окончательным пробуждением

природы.

Женщины пекли из теста **жаворонков** — маленьких птичек с расправленными крыльями. Дети насаживали их на палочки, выбегали на пригорки и поднимали к небу, призывая весну. Пели **веснянки** — обрядовые песни-заклички:

«Жаворонки, прилетите,
Студёну зиму унесите,
Тёплу весну принесите».

Это был момент, когда человек обращался к природе напрямую — не через посредника, не через священника, а сам, своим голосом. И верил, что природа слышит.

Первый выгон скота

С наступлением тепла скот впервые после долгой зимы выгоняли на пастбище. Это событие отмечалось особым обрядом. Животных прогоняли через ворота, украшенные зелёными ветками, кропили освящённой водой, обходили с вербовыми прутьями. Вербу использовали потому, что она зацветала первой — значит, несла в себе самую сильную весеннюю энергию.

Пастух, выгонявший стадо, произносил заговор — просил землю, лес, воду быть добрыми к животным, защитить их от хищников и болезней. Община доверяла ему самое ценное — свой скот, без которого невозможно было прожить, — и пастух нёс за это личную ответственность.

Лето: вершина света

Купала (летнее солнцестояние)

Купальская ночь — самая короткая ночь в году, вершина солнечной силы — была, пожалуй, самым волшебным праздником народного календаря.

В этот день солнце достигало высшей точки своего пути. Мир был залит светом. Травы набирали наивысшую целебную силу. Вода в реках и озёрах становилась очистительной. Огонь горел ярче обычного. Все стихии — свет, вода, огонь, земля — соединялись в единый поток, и человек мог погрузиться в него, чтобы очиститься и обновиться.

Праздник начинался с заката. На берегу реки или озера складывали большой костёр, который зажигали с наступлением сумерек. Вокруг костра водили хороводы, пели купальские песни. Затем начиналось главное — **прыжки через огонь**. Парни и девушки, взявшись за руки, перепрыгивали через пламя. Если пара преодолевала огонь, не разнимая рук, это считалось знаком того, что их союз будет крепким и счастливым.

Огонь очищал. Он сжигал болезни, неудачи, дурные мысли. Прыгнуть через костёр означало оставить позади всё тёмное и начать заново — обновлённым, чистым, полным сил.

После огня шли к воде. **Купание** в реке в эту ночь было обязательным обрядом. Вода в купальскую ночь считалась наделённой особой силой — она смывала хвори, снимала порчу, возвращала молодость и здоровье. Купались все

— от стариков до детей.

Девушки плели **венки** из полевых цветов и трав и пускали их по воде. По тому, как плыл венок, гадали о будущем: если венок поплывёт ровно и далеко — жизнь будет долгой и счастливой; если прибьётся к берегу — свадьба близко; если утонет — жди беды.

Особое место в купальских поверьях занимал **цветок папоротника**. Считалось, что папоротник цветёт только в эту ночь — один-единственный миг, и тот, кто найдёт его цветок, обретёт сокровенное знание, способность видеть скрытое, понимать язык зверей и птиц. Разумеется, никто никогда не находил цветка папоротника — он стал символом вечного поиска истины, которая всегда рядом, но всегда ускользает.

В эту ночь собирали **целебные травы**. Считалось, что травы, собранные на Купалу, обладают наивысшей лечебной силой. Знахарки и травницы уходили в поля и леса ещё до рассвета, по росе, и собирали зверобой, полынь, чабрец, мяту, ромашку — запас на весь год.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.